

Роман
Сенчин

НА ЧЕРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Финалист премий
«Большая книга»
«Русский Букер»
«Национальный
бестселлер»

Роман Валерьевич Сенчин

На черной лестнице (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2771735

Роман Сенчин / На черной лестнице : рассказы: АСТ, Астрель; Москва;

2011

ISBN 978-5-17-075150-1, 978-5-271-36420-4

Аннотация

Роман Сенчин обладает редким даром рассказчика. Книга «На черной лестнице» – это простые истории, своего рода летопись «жизни ничем не примечательных людей», которые складываются в философию поколения. Юноша, прокутив все деньги в ночном клубе, отправляется на работу... подметать улицы; молодые супруги, мечтая об интересной красивой жизни, всё свободное время проводят перед телевизором; герой рассказа «На черной лестнице» «гордится своим домом, иначе пришлось бы его ненавидеть»...

Содержание

Репетиции	4
1	4
2	16
3	28
4	39
5	50
Ложка сахара	65
Эфир	90
1	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Роман Сенчин

На черной лестнице (сборник)

Репетиции

1

На этот раз трое суток по Транссибу показались бесконечно долгими. Я почти не спал, хотя всячески уговаривал себя, пытался отвлечься от мыслей, что никак не давали заснуть. Считал, прибавлял по одному слонов, упорно осиливал вообще-то полезную, правда, утомительную для чтения в поезде книгу «Поэтика драматургии абсурда», которую купил на Новом Арбате, увязал в сложных ученых рассуждениях. Но сонливость нагнать не получалось. И в основном я торчал в тамбуре, курил сигарету за сигаретой до оскомины в горле, смотрел в мутноватое от пыли окно. За ним все то же, что и две недели назад, – леса, поля, перелески, картофельные полянки под самой насыпью, стога сена, деревеньки, города, застывшие у переездов машины, куда-то спешащие или чего-то ждущие люди. И любая деревенька, любой город каза-

лись мне сейчас спокойным, обетованным местом, а люди – как один счастливыми, спокойно-мудрыми. В отличие от меня... Я знал, конечно: стоит выпить бутылку пива в вагонной духоте, и сонливость появится, обовьет голову, тело мягкими, теплыми нитями, и я усну. Хорошо, надолго... Пиво продавали на каждой, даже самой короткой остановке, оно было и в вагоне-ресторане. Только вот денег у меня оставалось двести с небольшим рублей. Я держал их в нагрудном кармане рубашки на крайний случай.

Да, очень хотелось устроиться на верхней полке, повернуться ко всему спиной и отключиться, но и пугала мысль, что время во сне идет быстрее и, значит, я быстрее и незаметнее для себя окажусь дома. В родном городке. А оказаться там меня не очень тянуло. И в вагоне находиться тоже было почти невыносимо. Подмывало собрать сумку, выйти где-нибудь в Ишиме, или в Барабинске, или в Чулыме и зажить там никому не известным, свободным от прошлого человеком.

Закрыв глаза, неспешно считая: «Раз, два, три, четыре...», прибавляя к сто двадцати семи слонам ста двадцать восьмого, разглядывая законные пейзажи, сосредотачиваясь на процессе курения, я тем не менее думал о совсем другом. Мысли вертелись вокруг одного и того же события – вокруг моей попытки, глупой и провальной попытки поступить в театральное. Я отгонял их, но, как всегда, как назло, именно об этом только и думалось. Вспоминалось, как всю осень, зиму

и весну я готовился, как со всех сторон мне давали советы, что и каким образом читать, и как многие удивлялись, иронически, как мне казалось теперь, хмыкали, узнавая, что еду не куда-нибудь, а именно в Москву, в самое что ни на есть престижное театральное училище; оно и училищем просто называется, на самом же деле – вуз настоящий. Нда-а... И как я уезжал – гордый, счастливый, провожаемый почти всей нашей труппой, уверившийся в победе. И как родители откладывали деньги на эту мою поездку и, когда оказалось, что денег набралось совсем мало, закололи не набравшую еще и трети нужного веса свинью и сдали мясо на рынок... Получилось как в байках с этой свиньей. Только вот результат не в стиле байки – байка с плохим концом уже и не байка, а жалоба... Да, стыдно как. И за свинью, и за стихотворение, которое прочитал приемной комиссии. Уж что-что, а меня с этим стихотворением, уверен, вспоминать будут долго. Или не будут. Идиотов к ним наверняка поступает каждый год хоть отбавляй.

С басней и прозаическим отрывком я определился довольно быстро и твердо, а стихотворение подходящее, такое, чтобы поразило комиссию, никак не находилось. Маяковский, Пушкин, Есенин, Бродский, Евтушенко... всё это казалось до предела банальным, избитым, замыленным. Казалось, и двух строк не выслушают, махнут рукой: достаточно... Потом вдруг, во сне, увидел, как стою и читаю, громко, четко, точно раскалываю поленья: «Дыр бур щил»... Утром

долго вспоминал, чья это строчка, наконец нашел в антологии футуристов у Крученых, поверил, что сон вещий, и больше месяца перед зеркалом разучивал, оттачивал, рубил и рубил: «Дыр! Бур! Щил!...»

Но однажды так же резко понял, что за этот эпатаж мне стопроцентно без малейших сомнений укажут на дверь, да и стих крошечный, несколько строк, и принялся снова искать. Натолкнулся на изданный в Красноярске сборничек поэта Тинякова, проштудировал его, решил – нужно огорошить комиссию таким:

Существованье беззаботное
В удел природа мне дала:
Живу – двуногое животное, —
Не зная ни добра, ни зла.

Всегда потворствую владыке я,
Который держит бич и корм,
И чужды мне стремленья дикие
И жажда глупая реформ...

И еще две строфы в том же духе. Написано в двадцать первом году... Довольно долго репетировал, потом показал своему режиссеру Игорю. Он бурно отверг. Я вспылil: «Ну посоветуй мне что-нибудь! Против быть – самое легкое...» Он посоветовал «Бесов» Пушкина. Это уже отверг я: «Да там наверняка каждый второй “Бесов” читает. А остальные

– “Незнакомку”». Впервые так, достаточно нагло, с Игорем поговорил. Дурак. Хм, я чуть не свихнулся, отыскивая стихотворение. Перерыл домашнюю библиотеку, часами просиживал в городской... Даже на спектаклях стал заговариваться, и ночью, родители сообщали с плохо скрываемой тревогой, стонал, бормотал что-то ритмическое, явно спорил с кем-то, упрасивал, всхлипывал... Всего за два месяца до начала экзаменов, вяло листая собрание сочинений Константина Симонова в читальном зале, наткнулся на строки:

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишина – ту тишину,
Что обрывает первый залп.

Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда
В знак объявленья нам войны.

Я вышел и увидел их,
Их в трех рядах, их в двух шагах,
Их – злобных, сытых, молодых,
В плащах, со жвачками в зубах...

Поразился, обрадовался, возликовал. Решил ни с кем на сей раз не советоваться. «Они насосоветуют», – подумал, усмехнулся, переписывая это сочинение из книги в блок-

нот... Выучил, отработал до автоматизма, в день по несколько раз грохотал в своей комнате:

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну...

Грохотал, сдвигал к переносице брови и представлял вытянувшиеся лица членов комиссии, и уже будто слышал шелест-шепоток: «Вы-ыдал!.. Дерзкий товарищ!.. Откуда он это откопал?.. А чье это вообще?.. Симонов!.. Обращение к врагам!.. Да-а?! Но такие наглецы и нужны сегодняшнему театру!.. Да-а?.. Итак, прошу голосовать. Кто за, кто против?» И с перевесом в два-три голоса я прохожу. Не прошел. Мне спокойно дали прочесть и это хамство, и басню, и прозаический отрывок. Но, еще продолжая лезть из кожи вон, я видел, что с решением они после стихотворения, точнее – после первых же его строк, определились. Ни словом не обмолвившись, не переглянувшись даже, определились единогласно. Отсев. И единственный вопрос, заданный кем-то с краю стола: «А каков ваш сценический опыт?» – был произнесен тоном судьи, что говорит бесспорно виновному подсудимому: «Ваше последнее слово».

«Н-ну-у, – замямлил я, – Треплева в “Чайке” играл... главного героя в “Голоде”... это по роману Кнута Гамсуна инсценировка... Еще этого... – Полтора десятка ролей, полученных мною за пять лет работы в театре, вылетели из па-

мяти в тот момент, и я мучительно, надсадно мычал, вспоминая. – Еще... м-м... еще Сергея Есенина в “Анне Снегиной”, Гамлета...» «Гамлета? – приподнял густые седые брови ректор училища, красивый старик, известный еще с пятидесятых годов актер. – Гамлет, это хорошо. Хорошо-о. – Глянул направо, налево и подвел итог: – Ладно, спасибо. Вы свободны».

Я вышел за дверь. В узком темном коридоре толпились возбужденные абитуриенты. В основном очень симпатичные девушки и высокие породистые юноши. Но в тот момент все они показались мне отвратительными уродцами, ежесекундно сокращающимися, кривящимися насекомыми. Богомолы с цепкими лапками... Таким же был и я сам пятнадцать минут назад, а теперь... Не знаю, как я выглядел, но ко мне не бросились, как к предыдущим выходящим из аудитории, не заверещали вроде испуганно, но и с надеждой, что человек провалился и, значит, у них прибавилось шансов: «Ну как? Как? Говори!» Просто расступились, давая дорогу прочь...

До объявления результатов я бродил по училищу, разглядывал стенды с фотографиями. «Выпуск 1976 года», «Выпуск 1984 года»... Сотни юных, жизнерадостных, энергичных людей, сотни фамилий, а кого из них знают? Вот Евгения Симонова – хм! – среди незнакомых, безымянных лиц, вот Константин Райкин на групповом портрете, а других я наверняка нигде никогда не видел. Вот Проскурин, вот Коренева. Один на два-три курса, кто остался в истории, да и

то благодаря ролям в кино...

Разглядывая фотографии, я прощался с этими единицами известных и сотнями безвестных выпускников. Я прощался, но и лукавил, прощаясь, – уверял себя, что не поступлю, чтобы потом изумиться, узнав, что поступил, а если не поступлю – не особенно сильно расстроиться.

Эта игра не помогла – расстроился очень. Не слушая лживых, не слишком и скрывающих радость, что им-то повезло, успокоений прошедших первый отсев, их уверений, что на тот год поступлю обязательно, я тут же забрал документы, поскидал в сумку вещички и рванул на Ярославский вокзал. Не то чтобы перед ними стыдно мне было, а этот город, эта столица, чуть не каждый день виденная по телевизору, с детства манившая и поначалу очаровавшая, давшая надежду, что буду в ней, вдруг стала страшной, жуткой, похожей на гигантскую мясорубку, в которую засасываются новые и новые слабосильные хищники – богомолы из отряда своеобразных...

«Да пошла ты!» – шептал, взбираясь пешком по эскалатору, чтоб скорей оказаться у кассы вокзала, купить билет на ближайший поезд. Скорей вернуться домой, в наш уютный, маленький, безопасный городок. Увидеть ребят, театр.

Несмотря на конец июля – пик отпусков, – билеты были. Я взял в плацкартный вагон скорого поезда «Москва – Красноярск», поторчал в зале ожидания, выпил две бутылки пива с чипсами, потом, заскучав, решил погулять. До отправ-

ления оставалось еще часа три – сидеть всё это время казалось невыносимо, да и продуктами в дорогу нужно было запастись. Три дня в поезде как-никак.

...Наверное (да наверняка!), я совершил дальнейшее, чтоб поставить жирную точку пребывания в обманувшей меня Москве. Добить себя или, если повезет, уехать почти королем. Хотя... хотя, может быть, этой мыслью я просто оправдываю себя сейчас, сделав несусветную глупость...

Набив сумку хлебом, копченой колбасой, огурцами, вареными яйцами из кулинарии, лапшой «Роллтон», двухлитровой бутылкой «Байкала», я возвращался на вокзал и увидел «Зал игровых автоматов». Даже в солнечный летний день он блистал мигающими гирляндами, надпись светилась, как маяк; за открытой дверью виднелась синеватая дымная полутьма. Что-то похожее на сказочную пещеру угадывалось там, манило... Я никогда не видел этих «одноруких бандитов», «джекпотов», кроме как по телевизору, и шансов увидеть их в дальнейшем было немного – в нашем маленьком городке они вряд ли появятся, никто играть не станет, – поэтому решил заглянуть.

На высоких табуретках перед мягко, пестро освещенными автоматами сидели несколько мужчин и парней. Курили, глотали из бокалов пиво. Как раз в ту минуту, когда я озирался, пытаясь что-нибудь запомнить, отметить, в одном из автоматов звонко, весело зазвенело. Это посыпались монеты в лоток. Много. У меня в груди завистливо ойкнуло, а счаст-

ливчик будто и не слышал, как сыплется выигрыш, продолжал напряженно, размеренно пощелкивать клавишами.

Было душно, очень накурено, но в то же время пахло чем-то ароматно-свежим, леденцовым... В глубине зала немного ярче, чем автоматы, светился крошечный бар, за стойкой – симпатичная пышноволосая девушка. Наверно, заметив мою нерешительность, стала улыбаться. У нас в городке девушки, тем более продавщицы, так – ни с того ни с сего – не улыбались. И я взбодрился. Подошел, глянул на ценники и сказал: «Бокал “Клинского”, пожалуйста». – «Пожалуйста. – Она стала наливать. – Всё? Двадцать семь рублей». – «А как тут вообще, – положив на пластиковый кружок с рекламой “Винстона” деньги, спросил я, – часто выигрывают?» – «Еще как! Если бы не выигрывали, не сидели бы. Вечером все аппараты забиты. Очередь... Так, – подала бокал, – ваше пиво и... – сыпанула на кружочек монет, – ваша сдача». – «Спасибо, – я сделал глоток, огляделся и снова посмотрел на девушку, заговорил тише: – А как, извините, в них играть? Ни разу не пробовал». Девушка опять улыбнулась, на этот раз сочувственно, но нисколько не пренебрежительно, а наоборот – как-то по-матерински. И сказала: «Они разные все. Но простые. Вон тот, кстати, – кивнула мне за спину, – очень такой... популярный. “Пират” называется. Попробуйте. Минимальная ставка – пять рублей». «Да-а? – я искренне удивился. – Надо рискнуть!» – «Удачи!»

Бросив сумку у табурета, а бокал с пивом поместив на спе-

циально для этого, наверно, сделанной площадочке на панели автомата, я сунул в нужную щель сторублевку. Некоторое время изучал условия игры, назначения клавиш, а потом залпом ополовинил бокал и начал... Крутились барабаны с картинками сундуков, сабель, попугаев, останавливались, и картинки то совпадали, то нет. Изначальные сто рублей то уменьшались до двадцати и даже пятнадцати, то увеличивались почти до двухсот. Я увлекся и как-то удивительно быстро сообразил, когда нужно удваивать ставку, пробивать линии, а когда не рисковать... Но «Пират» оказался хитрее, и в одно мгновение сто сорок рублей на табло превратились в нуль. Я разозлился, торопливо достал новую сотню. Давил на клавиши, словно бил членов комиссии, таких неприступных, равнодушных, всемогущих, всё на своем веку повидавших. Железобетонных... Ха! – вот вам! Сейчас, сейчас получите три сундука подряд...

Вскоре, шатаясь, чуть не падая, я бежал к поезду и матерился. Поносил себя, пиво, Москву, ту девку из бара, что соблазнила играть, считай, вынула из моего кармана почти полторы тысячи.

И вот теперь я маялся в душном и тесном вагоне, почти без денег, не купив ничего, что заказали знакомые (заказывали в основном книги и видеокассеты с новыми нашумевшими фильмами), без подарков родителям, провалившись на первом же экзамене, не успев ничего толком увидеть, понять, ни в чем разобраться.

Вот доеду, встречусь в театре с ребятами и что им скажу? Что я, их ведущий актер, не прошел даже творческий конкурс? Что меня официально признали неспособным выходить на сцену? Стыдно, просто невозможно представить, как я это говорю... Или соврать? Не добрал, дескать, баллов? Нет, тоже бред. Экзамены закончатся через три недели, и об этом все знают... От постоянного обдумывания и поиска, чем объяснить такое раннее возвращение, голова то гудела и кружилась, то казалось, что что-то в ней переклинило и вот-вот я спячу. Сойду с ума здесь, в вагоне. И как со мной поступят? Высадят где-нибудь в Омске, отправят в психушку. Хорошо бы. И жить там безымянным, никому не известным... А, нет, у меня при себе паспорт, аттестат, трудовая книжка. Вызовут родителей... Значит, надо держаться, надо успокоиться. Готовить себя к тому, что позор неизбежен. В конце концов выбрал такое... такую, как называют вранье разведчики, легенду: в Москве стало противно, до последней степени невыносимо, и я просто сбежал. Сбежал, чтоб не задохнуться. Да. Но как объяснить родителям, куда делись все деньги? Эти вообще-то смешные, ничтожные полторы тысячи, но на которые с месяц можно экономно питаться. Куда они испарились?.. Может, сказать, что украли? Стащили в поезде, когда спал? Вынули из кармана в общепитии? В метро?.. О черт!.. Уснуть бы...

Поздним вечером в конце третьих суток пути добрались до Ачинска. Скорый поезд шел дальше на восток, а мне теперь нужно было дожидаться межобластного, который доведет до нашего городка... Посидел на Ачинском вокзале, зевая, но боясь задремать, доел колбасу и яйца, а потом на стареньком маломощном тепловозе покатил на юг. Здесь забыться было совсем невозможно – то и дело остановки, толчки, постоянно смена пассажиров, крики проводника, объявляющего станции. Километров триста тащились всю ночь. И вот наконец:

– Новогорняцк! Кто в Новогорняцк – собираюсь!

Да, «наконец», но и в самый, кажется, неподходящий момент – на рассвете, когда я, старожил вагона среди прочих, едущих от сельца до сельца, только-только уснул на голой полке, приспособив сумку вместо подушки.

Пришлось спускаться вниз, осиливая слабость и дурноту от бессонницы, обуваться. Плестись в выставший за ночь тамбур.

Проводник открывает дверь, спускает лесенку. Люди, торопясь, выгружаются, тащат за собой сумки, корзины, ведра, перевязанные бечевкой коробки... Серое, с двумя колоннами, полутораэтажное здание вокзала; почему-то оно всегда напоминает мне общественную баню. На капоты своих «жи-

гулишек» оперлись двое сонных частников, слабо верящих, что найдутся желающие доехать домой с ветерком – город слишком маленький, из одного конца в другой пешком не больше двадцати минут в прогулочном темпе...

Поеживаясь, постукивая зубами не столько от рассветной прохлады, сколько от недосыпания, я дошел до крошечного привокзального скверика, вытер носовым платком росу с края скамейки. Уселся, медленно достал из кармана зажигалку и пачку «Явы», из пачки – сигарету. Помял ее пальцами, а потом закурил. Спешить было некуда. Вот я и дома, в почти родном Новогорнячке... Огляделся, точно проверяя, всё ли так, всё ли на месте.

Передо мной вокзал, куда еще пацаном бегал смотреть на поезда, мечтая уехать далеко-далеко, стать кем-нибудь вроде капитана Грэя. Отчасти, хе-хе, эта мечта позже исполнилась... Слева от вокзала, за площадью с давно не работающим фонтаном посредине, начинаются блочные пятиэтажки, а их подковой окружает частный сектор, так называемые деревяшки, для одних – жилье, для других – нечто вроде дачи; там есть и у нас щитовой домишко, сарайчик, в котором совсем недавно отъедалась свинья... Пятиэтажек с полсотни, и в одной, по улице Чкалова, двухкомнатная квартира, где сейчас спят мои родители, наговорившись вечером, нагадавшись, как я в столице, как экзамены, не голодаю ли, не влип ли в какую историю... Скоро встанут, заварят чай и снова поговорят обо мне, пожелают, чтоб всё у меня полу-

чилось. А на самом деле я уже здесь, в двух шагах от них, без денег, злой, на первом же этапе отсеянный...

Домой не хотелось. Нет, сейчас – ни за что. Вот так, с утра, блудным сыном, пропахшим поездом, с остатками дорожной еды в засаленных, липких пакетиках. Явиться, вздохнуть, повесить голову – так, мол, и так... Слушать успокаивающие слова, кивать и чувствовать себя полным ничтожеством. И вспоминать, как меня провожали – уже как победителя... Нет.

Докурил сигарету до самого фильтра. Завернул рукав свитера, глянул на специально купленные для поездки часы. Половина седьмого. Еще полтора часа до того момента, когда город проснется, зашумит, заторопится. А сейчас вот слабенькая волна сошедших с поезда пассажиров исчезла, и снова тишь, пустота. Почти что всеобщий сон. Не к кому и сунуться в такое время, поговорить, порепетировать объяснения, почему так быстро вернулся... Нет, есть один человек среди моих знакомых, кто наверняка не спит, а если и спит, то запросто, не обругав в душе, пустит. Серега Толкинист. Этаким городской сумасшедший. Живет в выделенном для клуба фантастов подвале. Руководит этим клубом, выпускает газету раз в три месяца. Даже не газету, а альманах объемом с газету... Несколько лет назад появилась там его хвалебная статья обо мне – как замечательно я исполнил роль Грэя в «Алых парусах». После этого мы с Сергеем и познакомились, почти даже сдружились, хотя к театру и прочим зре-

личным видам искусства он симпатий не питает. Его увлечение, да и сам смысл жизни – фэнтези. Любимый писатель – Толкин. Поэтому и прозвали его Толкинистом.

Вспомнив о нем, я скорее поднялся, бросил на плечо сумку. Пошел.

Заблудиться новому человеку в нашем городке проще некуда, хотя по площади он не превышает среднего размера село. Но дело в том, что жилые дома совершенно, до мелочей похожи один на другой. Как близнецы. Сплошные темно-серые пятиэтажки с синими балконами. Никаких изысков. Ориентирами служат магазины, парикмахерские, ЖЭКи на первых этажах и детские садики, школы во дворах.

Построили его лет пятнадцать назад и чуть ли не за один год, торопясь, без выпендрежей – срочно нужно было переселять людей из другого, аварийного шахтерского городка, готового провалиться в тартарары из-за образовавшихся в земле пустот. К тому же нашли здесь перспективные залежи угля и начали рыть шахты. И название дали шахтерское – Новогорняцк... Но к моменту, когда были готовы эти пятиэтажки, наступили девяностые годы – новые времена – и квартиры стали продавать переселенцам из Казахстана и с севера Красноярского края. Один крупный бизнесмен, став хозяином Норильска, купил у администрации или кого там несколько домов и заселил их нестарыми еще вообще-то, но и не вполне уже работоспособными норильчанами. А те шахтеры так и живут в своем городишке, продолжают ширить

пустоты под собой, добывая уголь.

Наша семья переехала сюда из казахского Тобола в первых рядах – весной девяносто второго. Мне тогда было одиннадцать лет, из детства запомнилось мало что, да и отличий между тем городишкой и этим особенных нет: та же холмистая степь, та же железная дорога. Но родители часто с тоской вспоминают о своей и моей родине, мама то и дело прерывается съездить туда, «хоть на могилках прибраться»...

Те разработки шахт, что начались было недалеко от городка, забросили; чтобы имелась какая-то работа, построили кирпичный и кожевенный заводы, хотя большинство людей заняты в так называемой сфере обслуживания – на ТЭЦ, в магазинах и на рынке, в поликлинике, в школах... Мои родители по профессии учителя, всю жизнь ими и проработали; в одной из двух здешних школ им тоже нашлось место. Мама даже завучем стала... Меня они мудро отдали в соседнюю школу, и потому их учительского давления я не почувствовал. Не был, в общем, «сыночком учительки»...

После девятого класса настроился поступать в Ачинский автодор – мечтал тогда шофером стать, – но родители настояли, чтоб получил среднее образование: в шоферы, дескать, всегда успеешь, а с аттестатом возможностей куда больше. Вообще-то я им благодарен за это, с другой же стороны... А кем я стал?.. Еще с месяц назад, да нет – неделю! – знал твердо: я актер, я не могу без театра, у меня есть талант, я сам это чувствую. Но вот теперь... И дело не в том, что какие-то

московские забуревшие дядьки отшвырнули меня от училища, а в чем-то другом, в чем-то внутри меня, глубоко внутри, в чем-то пока необъяснимом... Я шагал сейчас по пустым, прямым улицам, глубоко, даже как-то подчеркнуто глубоко дышал ароматом смоченной росой, но уже обсыхающей травы, греющейся тополиной листвы, я пытался радоваться, что снова здесь, а помимо воли вспоминались спектакли, монологи, которые произносил со сцены, костюмы, в которые облачался, свое заgrimированное лицо, и было стыдно...

Да, надо бросать. Пока не поздно – найти другое, другой путь. Хм, путь в жизни... Шесть лет назад поступал в педагогический институт всё в том же Ачинске, на исторический факультет, и провалился на сочинении. Вернулся сюда, всерьез думал повеситься (в семнадцать лет – обычная мысль), но тут встретил Игоря. Он тогда только что приехал из Красноярска, где закончил институт культуры, и организовывал театральную студию. Познакомились мы в кафешке возле Дворца культуры, он стал рассказывать о Красноярске и постепенно свел разговор на студию, предложил попробовать позаниматься, завлек тем, что мне нужно дикцию подкорректировать. Я почти равнодушно согласился (в скором будущем мне маячила армия – куда-то идти работать было бессмысленно) и вскоре понял, что Игорь делает из меня актера.

Сперва сопротивлялся, а потом... Короче, очень быстро я стал ведущим актером студии, первым номером нашей

небольшой, в основном молодежной труппы. Спектакли были платные, я кое-что с них получал, а после первых успехов (получили призы на фестивалях в Красноярске и Томске, объездили с гастрольями чуть ли не весь юг Сибири) нас перевели в ранг профессионалов и назвали городским театром, стали платить небольшую зарплату. И с армией повезло: призвать призвали, но служил я на радиолокационной точке, которую видел с детства. Она у нас совсем рядом с городом – на ближайшем холме. Три вечера в неделю я проводил на репетициях и спектаклях. Повезло так со службой, как мне не раз намекали, благодаря Отделу культуры – просили военкомат не посылать далеко такого необходимого им человека...

Без малого шесть лет я жил театром. Сыграл четырнадцать ролей, из которых восемь главных. Кнута Петерсона, Есенина, Гамлета, как заявил, точнее, промямлил на экзамене. А теперь – стыдно. Уверовал, что звезда, и рванул покорять Москву. И сразу же получил. Мощно, точно, сокрушительно, как уличный хулиганишка от боксера-разрядника. Оправился от нокаута и теперь думаю, что делать дальше, куда ползти с ринга. В какую сторону.

Хорошо, что поезд прибывает рано утром. Есть время подготовиться, осмотреться, настроиться, заучить в знакомой обстановке то, что более-менее гладко сочинил в поезде, чтоб отвечать на вопросы знакомых... Хм, да, права поговорка: лучше первым в деревне, чем вторым в Риме. И вот он я, шагаю по своей деревне, узнав, что в Риме я – один из

первых с конца.

Так, нужная пятиэтажка. На решетках подвального навеса висит пестрая фанерная вывеска «Клуб друзей Алой книги». А в торце дома – магазин. Бледно и все же призывно светится оранжевая надпись: «24 часа»...

Хотел было сразу спускаться к Сереге, но передумал – завернул в круглосуточный. Купил самой дешевой водки – «Земская» – за сорок два рубля, кружок копченой колбасы, булку черного хлеба. Потом долго долбился в черную железную дверь клуба фантастов, и, когда уже решил, что Серега не выдержал и перебрался обратно к родителям, с той стороны залязгали запоры.

Дверь приоткрылась, высунулась сонная, с бородкой, знакомая физиономия. Вгляделась в меня, слегка ожила. Дверь растворилась шире.

– Входи.

Полутемный, душный туннель подвала; запашок канализации. Нечто вроде прихожей. Стены расписаны какими-то неземными пейзажами с крошечными замками вдалеке...

– Приехал, что ли?

– Приехал.

Узким, с трубами над головой коридором прошагали в кандейку, где обитал Серега.

– Располагайся, – кивнул он и упал на топчан. – Я еще чуть-чуть... пять минут буквально...

– Дава-ай.

Сел в раздавленное, потерявшее всякую форму и упругость кресло. Закурил, огляделся.

Все знакомо, все как было. Большой, заваленный плоскогубцами, мотками проволоки и кусками листового железа, чертежами, книгами обеденный стол с тисками с краю. Рядом стол поменьше, на нем электроплитка, посуда. Между столами – раковина, а напротив – топчан с серым бельем и полосатым одеялом, на котором криво лежал Серега. Вдоль стен стеллажи, набитые рыцарскими доспехами и оружием. Было время, я часами разглядывал эти искусно сделанные, побитые в сражениях мечи, щиты, панцири, шлемы, примерял их, сгибался под тяжестью стальной кольчуги; я не пропускал ни одного турнира толкинистов, следил, как они охотятся друг за другом, бегая по городу с черными метками в руках, а потом надоело. И все же бывать у Сереги в подвале нравилось, интересна была сама его жизнь, полулегальная, подвижническая, без помощи родителей (родители в свое время поставили ему ультиматум: или толкинисты, или они, – и Серега выбрал первое и переселился в подвал).

Ему почти тридцать, Толкина полюбил еще до того, как научился читать – мать читала ему перед сном сказку про хоббитов, а потом он уже сам сперва осилил, а затем детально изучил «Властелина колец». Ни о чем, кроме фэнтези, Серега искренне, с увлечением не говорит, и сегодня, в конце концов пересилив дрему, поднявшись и мельком обрадовавшись водке, закуске, без особого удивления узнав, что я

не стал сдавать экзамены в театральное, а, глянув на Москву, на абитуриентов, «этих будущих звезд сериалов и порноспектаклей» (придумал фразу еще в поезде), скорее поехал обратно, он покивал, чокнулся, выдохнул для приличия: «Ну и правильно!» – выпил и стал рассказывать о новой серии «Властелина колец»:

– Понимаешь, одни спецэффекты! Одни спецэффекты, а идеи – нуль. Глобальность только в декорациях... И самое вредное, что людей полный зал. У кассы – очередь! На рекламу клюют, потому и валят, как эти... И смотрят. И Толкина через эту фигню узнают... Была б у меня возможность, все бы билеты скупил, а вместо фильма книги бы раздавал. Читайте, в книге-то – настоящее!.. Даже наши тут теперь на собраниях не книгу обсуждают, а фильм. Вроде про книгу, а на самом деле, слышу, про фильм. Представляешь, нет?.. – Ну и так далее.

Поначалу я недоумевал, обижался, что Серега никак не реагирует на мое неожиданное возвращение; он даже не вспомнил о своей просьбе привезти какой-то новый том комментариев эпопеи его кумира, а потом плюнул и просто пил, экономно заедая водку колбасой и хлебом. Серега же пил неохотно, ссылаясь на дела: нужно ему газету срочно доделать, послезавтра уже сдавать в типографию...

Через час примерно с начала нашей малодружеской посиделки пришли несколько членов клуба, вроде как очень мне удивились, спрашивали, как поездка. Я отмахивался: «Да ну

ее, эту Москву!» – и они постепенно переключились на свои дела в других комнатах. Что-то сверлили, пилили, точили. Потом исчез из-за стола и Серега.

Допив водку уже в одиночестве, я снял туфли, лег на топчан. И сразу же глубоко, хорошо уснул. Впервые за последние несколько суток. Спал и чувствовал, как это приятно – спать... Но перед пробуждением нашел меня тот кошмар, что когда-то часто заставлял вскакивать в ледяном поту и долго таращиться по сторонам, чувствуя, как постепенно, волнами опускаются вставшие дыбом волосы... Приснилось такое: вот-вот третий звонок, зал полон, люстра медленно гаснет; я заgrimирован, стою за кулисами, через минуту нужно шагнуть на сцену, а первых слов роли не помню. Стою и беззвучно шевелю языком, выискивая хотя бы одно нужное слово, за которым потянутся остальные. Костюм становится тяжелым и мокрым, тает, ползет грим по лицу... Шевелю, все быстрее шевелю языком, уже тихонько мычу, но слова твердо, безвозвратно забылись. И никого нет вокруг почему-то, некому мне помочь. Только пыльные кулисы свисают и где-то что-то скребется – наверное, занавес раздвигают...

Проснулся действительно весь в поту, долго лежал, глядя на темно-серую плиту потолка, слушая шварканье пил и наждачек и радуясь, что все только что пережитое опять только сон. Да, впрочем, может быть, и лучше, если бы это произошло на самом деле. По-настоящему. Выйти на сцену, увидеть ряды зрителей в желтоватом тумане, почувствовать, как они

ждут моего голоса, сильного, чистого, который сразу унесет их из этой реальности, ждут чуда, которое один я могу сотворить, я же стою и бормочу, бормочу несвязное, жалобно глядя на них, на честно купивших билеты. И сначала тишина одинаково оторопевших сотен людей, а потом шепотки, хихиканье там, там, там, и вот – везде. И свист, издевательские рукоплескания, и уже открытый, ревущий гогот... Так бы опозориться, на всю катушку, по полной программе, и больше уже никогда, никогда даже не помышлять... Даже во сне. Забыть, что ты был актером, часто любовался собой, удивлялся себе, как должное принимал букеты, с улыбкой победителя выходил на первый, второй, третий поклон...

Сел, помотал головой. То ли от духоты в подвале, то ли от водки было тошно. На виски давило тупым и горячим, руки были ватными, в груди жгло, кололо... Посмотрел на часы. Половина восьмого. Это вечер?.. Получается, часов десять проспал. Оттянул встречу с родителями, слегка отрепетировал легенду. Только вот поговорить ни с Серегой, ни с его ребятами как следует не получилось. А надо все-таки с кем-нибудь... До родителей. Нормально, не торопясь, чтоб задавали вопросы, лезли в душу, а я, мучаясь, отыскивал ответы на самое-самое...

И, взяв сумку, сигареты, я, не прощаясь, направился к Людмиле. Она хорошая женщина, тихая и душевная, несчастная, и живет рядом совсем, через дорогу.

На улице пересчитал оставшиеся деньги. Сто сорок рублей плюс еще какая-то мелочь... Тянуло купить бутылку вина, и я даже повернул в сторону магазина, а потом решил повременить – вдруг Людмилы нет дома, и куда я тогда с этой бутылкой, или выпить откажется, и придется мне, что ли, одному осушать. Предложу, а там: да – да, нет – нет...

С Людмилой мы познакомились в театре. Ее, как и всех остальных, привел Игорь, сразу дал главную роль – Анны Снегиной, где я был Есениным. Фактура у нее отличная: высокая, стройная, черты лица правильные и крупные, что для театральной актрисы важно. Только вот главного – таланта – не оказалось. Игорь помучился-помучился и почти перестал ее замечать. Где-то примерно в то же время Людмила забеременела и ушла из труппы. Я часто встречал ее в городе, мы подолгу болтали. В основном о театре... В последнее время видел Людмилу с коляской – катала сына.

Сын, Мишутка, по слухам, у нее от Игоря. И главную роль ей тогда дал он, говорят, как любимой девушке... Вообще девушек у него всегда хоть отбавляй, но Людмила в определенный период была, так сказать, единственной. А потом охладел. Может, разочаровался в ее актерских способностях или как в женщине...

Я всегда завидовал таким людям, как наш режиссер. Лип-

нет к нему противоположный пол, и Игорь с этим полом обходится вроде небрежно, хамовато даже, но и сказать что-то такое умеет, отчего в пять секунд любую влюбляет. У меня не получается. Относятся ко мне с симпатией, с заботой, вниманием, порой с восхищением, но стоит мне попробовать сойтись с девушкой плотнее, обнять ее, притянуть к себе, поцеловать, и я неизбежно получаю отпор. Иногда грубый, чаще мягкий, почти извиняющийся (ты, типа, очень хороший человек, актер прекрасный, но, извини, давай просто будем друзьями). И бегут к другим.

Когда Людмила появилась у нас, я, не разобравшись, стал за ней ухаживать, порывался провожать до дому, мечтал, что она станет моей первой девушкой. Оказалось – уже занята... Мы почти одного возраста, но она выглядит старше: такая взрослая, уже женщина, именно Людмила, а не Люда, не Мила; когда же родила, стала матерью, разница обозначилась еще резче, и даже мысли снова начать за ней ухлестывать не появлялось. Да и пытаться сойтись с ней после Игоря было бы, как я считаю, унижительно – вот, мол, режиссер поматросил и бросил, а актер подобрал... В общем, отношения у нас с ней сохранились приятельские, не больше. Встретившись, болтали на всякие легкие темы, не углубляясь в душевные дебри; я говорил, какой у нее чудесный сынок, а она хвалила меня за очередную отлично сыгранную роль. Но в глазах ее я видел страдание, горечь и зависть, что я там, при деле, а она... Заговаривать об этом я не решался, теперь же, навер-

ное, самое время.

У нее дома я бывал до этого раза три или четыре, в начале знакомства, когда она была в фаворе, бывал с Игорем. Пили кофе или вино, обсуждали театральные проблемы, строили планы... Жила Людмила одна, ее родители были из числа тех немногих шахтеров (точнее, жителей того городка), ради которых строился Новогорняцк. И они даже сюда переехали, получив двухкомнатную квартиру, но потом ради работы вернулись обратно. Людмила осталась.

– Привет, – сказал я. – Можно?

– Что? – она, кажется, испугалась. – А, да, конечно... Привет!

Посторонилась, и я вошел.

– Ты ведь в Москве, – сказала так, точно слово «Москва» означало нечто вроде кладбища.

– Ну, как – взял вот и вернулся... Гнусно там.

Людмила машинально качнула головой. Она была в темном ворсистом халате, и шея, запястья, голени, наверное, из-за его цвета и плотности казались особенно светлыми, гладкими. Живыми.

– Понятно... Что ж, проходи. Только тише, ладно? Мишутка только уснул.

Направилась было в комнату, давая мне место положить сумку, разуться, но я ее остановил:

– Слушай, Люд, за вином, может, сходить? Легкого... посидим...

– У меня водки немного есть. Выпей, – не особенно гостеприимно ответила, – а я ничего не хочу. Так посижу... Ни сил, ни настроения...

Сели на кухне. Тесненькой, загроможденной тумбочками, плитой, табуретками, холодильником, нависающими со стен шкафчиками. Еле-еле вдвоем здесь уместились. Впрочем, и у меня дома кухня такая же, да и у остальных, где бывал. И когда вечером или в выходные семья собирается вместе, есть приходится (постепенно это переросло в традицию) в большой комнате. У нас в городке ее гордо именуют «зал».

Людмила молча достала из холодильника с полбутылки «Привета», порезала хлеб, сыр, выловила в трехлитровой банке несколько соленых огурцов, плюхнула на тарелку капусты. Оглядела стол, опять сунулась в холодильник, что-то там искала и, не найдя, села напротив меня. Посмотрела опасливо-выжидающе, опустила глаза на еду, спохватилась, подала мне стопку.

– Спасибо. – Я налил в нее граммов тридцать, предложил: – Может, чуть-чуть, за компанию?

– Нет, не могу. Пей, – на ее лице появилось нечто вроде улыбки, – я в душе с тобой.

– Что ж, ладно. – Чокнулся с бутылкой и выпил.

Честно говоря, на такой прием я не рассчитывал. Ожидал вопросов, хоть каких-то эмоций, а тут хуже, чем у Сереги в подвале, – молчание, не очень-то и скрываемая враждебность... Пришлось начинать без прелюдий:

– Вот, Людмила, взял и свалил. Даже не стал пробовать. Глупо, конечно... И не то что свою слабость почувствовал, а... – я щелкнул пальцами, подбирая точное слово, – а, понимаешь, как-то противно стало. Толпа этих, которые ничего не умеют, театр издалека, может, только и видели, а думают, что перед ними все должны... Славы им надо. Поступить в престижное место, на глаза кому надо попасться и засветиться в паре реклам. А там уж покатит... Сериалы, тоссе... Противно это, Людмила... В-во-от... – Меня ненадолго хватило, и после вздоха пришлось потормозить Людмилу вопросами: – А? Как думаешь? Правильно я поступил?

В ответ кислое, равнодушное:

– Да я не знаю. Не была там, не видела.

И она опять замолчала, глядя мимо меня...

– Понятненько... – Я стал терять терпение, но все-таки продолжил говорить, откровенничать, точнее, переделывать вымысел в правду, вживаться в эту новую правду: – И вот – опять здесь. И хорошо, Люд, и правильно. Пусть они там... если хотят, если нравится. Но главное, как я понимаю, от своих принципов не отступить. Так ведь, а? А там... там ими давно и не пахнет. Может, и не было... Одна проституция.

Небрежно плеснул себе в стопку. Но взять и выпить показалось почти невозможно. Я попросил:

– Хоть бы морсику навела себе. Как так, одному...

– А, да, прости! – Она, казалось, обрадовалась этой подсказке, вскочила, быстро приготовила кувшин смородино-

вой воды. — Извини, что я такая. Настроение что-то совсем... Ну, давай, с возвращением!

— Спасибо...

Чокнулись, выпили. Я зажевал огурцом, полез в карман за сигаретами, но оказалось, что оставил их в прихожей.

— Да и плевать! — сказал, всё больше злясь на кого-то, на что-то. — Плевать... Родителей только жалко. Так меня отправляли, деньги собирали чуть не по копейке, а я вот... Гордые были такие... Что теперь делать? Даже боюсь к ним идти. Что сказать? Что, блин, поступать передумал? Хм... смешно. А? Лю-уд?.. Ну поговори со мной маленько или тогда выгони.

— О чем? Не могу я ни о чем говорить.

— Посоветуй хоть что-нибудь.

Протяжный вздох в ответ.

Выпил еще «Привета». Хукнул, захрустел огурцом. Опыание после этих порциек начало возвращаться. И раздражение, потребность сидеть и жаловаться уступили место желанию просто поболтать, рассказать, что я на самом деле увидел, про метро, на котором Людмила наверняка никогда не каталась... Я отвалился назад, оперся спиной о тумбочку и игриво, почти нагло спросил:

— Слушай, а почему ты не спрашиваешь ничего? Как там в Москве? Мне б лично интересно было послушать...

Кривоватая усмешка, от которой я снова протрезвел. И замогильный какой-то голос:

– Я там не была, мне неинтересно. Прости. – А после паузы, как бы вскользь, Людмила бесцветно бормотнула: – Игорь новый спектакль ставить решил. Уже репетирует.

– Да? – тут же инстинктивно заинтересовался я, на минуту забыв о своих неприятностях. – Что за пьеса?

– Не знаю... Подбирает актеров сейчас.

– М-м... – Знакомо, приятно защекотало в груди, кончики пальцев стало пощипывать. – Ясенько... – И, наверно, чтоб притушить волнение, пошутил: – Тебе-то, надеюсь, роль уже есть?

– Я бы и не согласилась. – Людмила поморщилась и по-женски, невидяще, посмотрела в окно. – Для меня это в прошлом далеком. Я уже всё, кажется... – Сказано было с болью и горечью, но и театрально так, слишком выразительно, и я вспомнил, что у нее нет таланта, и стало неловко, и готовая было прорваться жалость к ней исчезла. И на кухне сразу запахло вареным молоком, чем-то подкисшим, аптечным...

Налил половину стопки, поднес ее ко рту и, перед тем как выпить, саркастически так пожелал:

– Ну, пускай ставит. Флаг ему в руки. – И когда пил, заметил удивленные глаза Людмилы.

Закусил, повозился на табуретке. Людмила продолжала смотреть на меня... Попросил:

– Можно покурить? Курить очень хочется.

– Кури. Только дверь прикрой.

Сходил за сигаретами, плотно закрыл кухонную дверь.

Людмила поставила передо мной стеклянную чистую пепельницу – видно, давным-давно в ней не лежало окурков...

– Понимаешь, Люд, – начал я, сделав несколько первых, вкусных затяжек и наблюдая, как никотин сглаживает, смягчает хмель во мне. – Понимаешь, решил я бросать это дело. Н-ну, с театром, в смысле... Всё я понял в Москве, насмотрелся... Надо браться за ум. Еще два года – и в институт поздно будет... Хочу на исторический попробовать. Когда-то историей увлекался очень, сам даже учебник собирался писать, по гражданской войне... Хм... А театр... Да нет, интересно было, нравилось, когда букеты, перевоплощение, а теперь...

– Ты что?! Перестань! – наконец перебила, чуть ли не закричала Людмила. – Ты же им только и жил! И не сможешь... Не поступил, ну и что? И забудь.

– Да не поступал я! – в свою очередь перебил я, тоже почти выкрикнул это, и отметил, что реплика получилась искренней. – Не стал поступать. Не хочу... не могу... Лицедейство всё это, фигня. – Еще раз втянул в себя дым и бросил сигарету в пепельницу. – Всю дорогу обратно думал, как дальше быть, кем стать. Ведь скоро же, сам чувствую, не изменишь уже ничего. Скоро войду в колею – и всё. А театр... Ну, сейчас роли молодых людей, потом – взрослых. Хлудова, может, сыграю... Из Треплева в Тригорина перекочую... Дядю Ваню еще... Потом старичков...

Замолчал, потыкал окурком в стеклянное дно, гася крас-

новатые точки разбитого уголька. Ждал, надеялся, что сейчас Людмила начнет меня отговаривать, успокаивать, скажет обо мне что-нибудь хорошее, но вдруг она заговорила зло, как-то истерически:

– Слушай, хватит!.. Перестань ты меня грузить!..

Посмотрел на нее. Очень симпатичное вообще-то, правильное лицо сейчас было как страшная маска. Ненависть читалась на этой маске.

– Что, уйти? – кашлянув, я сгреб со стола сигареты и зажигалку; я обиделся, еще бы – пришел со своим несчастьем, просил добрых слов, а услышал такое вот: хватит, перестань грузить...

– Подожди. – Людмила потерла виски кончиками пальцев, как делают это актрисы, показывая смятение, глубокое переживание, приподнялась, сняла с полки рюмку. – Налей каплю... Всё! Спасибо.

– Тебе спасибо. Твоя же водка.

– Не надо... Давай выпьем.

Выпили. Людмила поперхнулась, закашлялась. Я смотрел на нее и гадал – стоит или не стоит похлопать ее по спине. Пока гадал, она отдышалась и начала говорить. И после первых же фраз я пожалел, что вообще сюда заявился. Теперь я оказывался в роли утешающего, я должен был проявлять заботу. По крайней мере – сидеть и слушать...

– Не надо, что бросишь театр – не бросишь ты ничего. Всё хорошо будет... А у меня, у меня, действительно... У меня

вот жизнь кончилась. Полный тупик. В двадцать пять лет – всё!.. Торчать в этой клетке, тупеть, потому... потому что сын...

«У всех рано или поздно дети бывают», – про себя, почти автоматически усмехнулся я. И Людмила, то ли почувствовав мою усмешку, то ли поняв, что сказала не совсем то, что хотела, стала торопливо, сбивчиво уточнять:

– Нет, не в сыне... не из-за Мишутки, конечно... То есть... Понимаешь, я не хотела, чтоб так... Чтобы так получилось... Это неправильно... – Она снова потеряла виски, и на этот раз как-то искренней, и выражение лица на несколько секунд стало таким, как у человека, который вдруг почувствовал, что сходит с ума, и пытается сопротивляться. – Что-то не туда я совсем... Я очень долго говорила с собой об этом, а теперь... Столько было слов, и вот – ни одного сейчас нужного...

– Знакомое состояние. – Я наклонил бутылку над ее рюмкой: – Выпей, тут чуть-чуть осталось. Поможет, Люд.

– Не надо. Мне хватит... Я закурю лучше. Можно?

– Естественно... – подвинул ей сигареты, вылил остатки водки себе. – Ладно, Люд, за всё, как говорится, хорошее.

Она дала мне выпить и закусить и заговорила снова:

– Знаешь, как я теперь ненавижу, когда люди жаловаться начинают! Всегда себя сильной считала, а вот такое случилось, и – полное какое-то... как плита бетонная рухнула... И – веришь, нет – кажется, что жизнь – кончилась. И Ми-

шутка даже не спасает. Не могу я ему по-настоящему, всей душой радоваться... Я даже... Знаешь, я стала тех, кто детей своих... – Людмила громко, неприятно вздохнула, – тех матерей, которые детей бросают, стала понимать. Только не подумай, что я!.. Стала понимать, каково им...

– Да, конечно, понятно, Люд, – кивнул я и поднялся.

Ее испуганное:

– Ты куда?

– Сейчас... Это... в туалет на минуту.

Она сунула дрожащую сигарету меж губ. Столбик пепла упал на клеенку. Я отвернулся, вышел из кухни.

– ...Вот ему скоро год, а он не знает, что такое... что отец такое. Это ведь ненормально. Согласись?.. У меня всегда была настоящая семья, родители серебряную свадьбу скоро будут справлять и живут дружно... Я честно говорю, объективно... Да! И с детства знала, что и у меня так же будет, будет свой дом, муж, дети, а получилось... Всё наперекос получилось... Ведь Мишутка вот-вот начнет уже: где папа? где папа? И что я ему... Я и сейчас постоянно: «Папа в командировке, он режиссер, он в командировку уехал». И какое-нибудь яблоко ему сую: «Вот папа прислал! Тебе специально». И он реагирует – понимаешь? – он этому яблоку больше радуется, чем когда просто так... когда от меня просто... Он несколько раз приходил, Игорь, и даже ни разу ничего, ни одного даже слова доброго не сказал Мишутке. Ты можешь представить? Ни слова. Так на него смотрел, как на зверька заразного... Да, я знаю, помню: он всегда говорил, что не любит детей. Он всем женщинам своим так говорит...

Людмила вытряхнула из пачки новую сигарету. Я щелкнул зажигалкой. Теперь уже не досадовал, что она отобрала у меня право изливать душу – я слушал, сочувствовал ей. Кажется, немного даже и протрезвел, точнее, водка теперь не расслабляла, а наоборот, давала энергию, подстегивала внимание, возбуждение. Хотелось злиться...

– Днем... Днем еще ничего. С Мишуткой гуляем, по дому тут, готовлю... А вечером... Сажу, в телевизор пялюсь, а перед глазами – что он там сейчас, в театре, что репетирует, его лицо увлеченное... как какой-нибудь новой девочке такое поет... И она слушает, кивает, ротик свой приоткрыла, в глазах вера, преданность. Я ведь такой же была. Дура... Доверилась... Как тряпка теперь старая... И стыдно ведь так, так стыдно! Перед родителями, перед всеми... Да, я не спорю!.. – Заговорила громче, убеждающе. – Да, он человек талантливый... Не человек даже, а именно режиссер. Это другое... особенная порода какая-то... Так ведь подчинять умеет! – Людмила нахмурилась, посмотрела мне в глаза и уже тихим, тревожным голосом спросила: – Правда ведь, а? Скажи.

– Эт точно, – ответил я. – Подчинять он умеет.

– Вот-вот! И я, знаешь... Мне всего двадцать пять... или, – она задумалась, – или уже... Но живу одним прошлым теперь. Сажу и вспоминаю-вспоминаю, когда мы вместе с ним были. Знаю, говорю себе: встань, живи, делай что-нибудь! – а иногда руку поднять нет сил никаких... И не хочу я такой... как эти: «Только бы мой ребеночек счастлив был, а я-то... ладно уж...» Я хочу быть счастливой, понимаешь?! По-настоящему, как женщина, три месяца и была счастливой... Потом беременность, Игорь стал намекать, что придется пока с театром паузу сделать, и дел море у него сразу же появилось, планы новые... Помнишь, пьесу он писал?

– Уху... Но вроде же как-то заглохло. Да?

– Да и не писал ничего, оказалось. Мозги просто пудрил... Ведь... Вот люди ведь всегда так обсуждают, тем более муж с женой и если занимаются делом одним, и мы, конечно, обсуждали. Когда «Анну Снегину» он ставил, и «Чайку» потом собирался... Ему очень важно было – я видела, честно, видела! – мое мнение. Я с чем-то соглашалась, с чем-то нет, советы давала, и ему это нравилось, он благодарил, хвалил. А потом... вот когда о пьесе своей говорил... я уже месяце на шестом была, с животом уже... он вдруг однажды так вспылil, прямо как с цепи... Кричать стал, что ничего не понимаю, что бездарем считаю его, тупицей, а сама профанка полная в этом деле, что вообще меня к театру нельзя подпускать. И убежал. Представляешь? Я в полном шоке... И... и четыре дня его не было.

Людмила остановилась, снова пристально посмотрела мне в глаза. Я не выдержал ее взгляда, отвернулся. Зачем-то взял в руку стопку – в ней, ясное дело, давно уже не было ни капли...

– Ты извини, что я сижу, это все тебе говорю... Просто...

– Да ты что! – перебил я. – Наоборот...

– Банально это до... смешно даже становится. – И она жутковато хохотнула. – По телевизору за день тысяча подобных историй. Муж бросил жену с ребенком, у мужа любовница... Противно. Только... Я же одна для себя! Вот эта банальность – это моя жизнь, моя судьба личная. Это со мной случилось

такое. Ты понимаешь, со мной!

– Люд, – я прикрыл ее руку своей и ободряюще сжал, – успокойся, пожалуйста. Знай: я твой друг и всегда готов помочь тебе. В любой ситуации.

Она хмыкнула. Взгляд стал каким-то умудренно-усталым и снисходительным. Точно она слышала трогательную, но беспросветную чушь... Я еще искренней, но и уже обиженно повторил:

– Честное слово, я всегда тебе помогу! И хочу, чтоб ты знала, что искренне твой друг...

– Спасибо... спасибо... Только, знаешь, тут нечем помочь. Если бы я его презирала, то смогла бы просто забыть, жить без него, а тут... Ненавижу, да, ненавижу, но так... если он только поманит, я побегу. Чувствую, как идиотка, жду только этого. И в этом самый ужас и есть и безвыходность. А он ведь... он ведь все сделал, чтоб я его презирала, чтоб убедила себя, что он ничтожество, подлец последний... Он когда ведь тогда убежал... я целыми днями и ночами искала, по городу бегала, ко всем долбилась...

– Да, помню, – перебил я. – Ты и ко мне тогда заходила.

– А? – Людмила недоуменно, словно ее разбудили, посмотрела на меня, что-то сообразила и отмахнулась: – Да зачем я тебе это всё?.. Ведь и так всё знаешь... Лучше меня, наверно...

Стало видно, что рассказывать она больше не хочет. Не видит смысла. Но я действительно не знал подробностей их

отношений с Игорем...

– Нет, Люд, я ничего не слышал, почти. Правда! Не хотел слушать сплетни. Видел просто, что у вас сначала... ну, роман был, а потом расстались. А подробностей... Да и в театре про это вроде и не говорили особо.

– Ну конечно, – дернула плечами Людмила, – кому интересно! Обычное дело – режиссер с актриской покрутил... Мелочь, чего ж... Было, и проехали.

Это верно замечено: никогда не угадаешь, как женщина к твоим словам отнесется. Вот сейчас Людмила явно оскорбилась, что в театре о ее драме мало судачили и я не в курсе подробностей.

– На каждом шагу такое. Конечно. Но... Но мне-то жить! И вот как мне жить?! – Она уже почти кричала, лицо снова исказилось, стало страшным, морщинистым. – Под-донок!.. Он ведь когда пришел в тот раз, я ведь еще и прощения просила. Так повернул, что я виновата оказалась. Довела его... И... – Судорожно глотнула из стакана морса, выдохнула шумно, как после водки. – И потом, когда спрашивал, я со всем соглашалась, старалась показать, что все мне нравится. А у него опять истерика: «Тебе наплевать! Тебе неинтересно!» И опять дверью хлопнул. У меня приступ... Положили на сохранение. Он прибежал, в слезах: «Людмилка, рыбка моя единственная!» Накупил всяких фруктов, цветы, а потом по несколько дней не появлялся, а если приходил, на пять каких-то минут... И, знаешь, когда меня выписали,

пришла домой и чувствую... А мы ведь тогда у него жили, здесь девчонок я из педучилища поселила... Пришла, и вот чувствую – другая женщина ночевала. Ирка эта, как узнала потом... Кажется, никаких вещей, но... Ну, ты понимаешь, как это бывает...

– Могу представить, – отозвался я, наливаясь злостью, желанием пойти и сказать этому Игорьку или лучше дать ему в рожу. – Действительно подлец.

– Сейчас, – перебила Людмила, – дай досказать... Хорошо, что ты зашел, спасибо... я бы с ума здесь свихнулась... И вот когда пришла, он меня так встретил, с такой досадой! Тут же стал намекать, что лучше бы нам пока отдельно пожить. Я старалась его... старалась к нему нежной быть, показать, как люблю, не могу без него. Думала, всё наладится. А вместо этого... А вот скажи, – голос ее изменился, вместо горечи в нем появилось нечто вроде любопытства, – правда, что вот когда женщина слишком к мужчине тянется, у него само собой, даже подсознательно, к ней отторжение?.. Что это, ну... это у мужчин такая физиология. А?

На этот вопрос, неожиданный и сложный, сразу не нашлось, что и сказать. Первой реакцией был вздох, рука сама собой потянулась к шее, потеряла ее. А потом я решил признаться. Сказал, глядя в стол:

– Не знаю, Люд. Может, тебе это неправдой покажется, но у меня как-то не очень-то с девушками... – Я замялся, почувствовал, как загло щеки; глуповато-смущенно хехек-

нул, но пересилил себя и продолжил: – Нет у меня такого опыта, поэтому не могу судить... Кажется, встретил бы настоящую – всё бы на свете для нее сделал. А как это на самом деле... черт его знает... Не знаю, Люд. – Поднял глаза.

Она смотрела на меня пристально, с выражением какого-то недоуменного сочувствия. Молчала. Ее взгляд подстегнул говорить дальше:

– Девушки всегда для меня такими казались, неземными какими-то. Вот... не замечала? я даже так, прямо не могу на них... на вас смотреть... Неловко становится. Сейчас тоже... слушать тебя, что Игорь выделял... Не могу поверить, что так можно.

– Постой. – Людмила нахмурилась, вспоминая. – Но ведь на сцене-то ты... Я сама видела, чувствовала, как ты...

– Ну-у, – это замечание меня чуть не рассмешило, – там по-другому всё. Там не совсем ведь я, там главное – режиссер. Через меня режиссер действует. Меня это давно тяготило, а в Москве... Поэтому и решил с театром завязывать. Хватит этого раздвоения. Всерьез надо жить начинать...

Я замолчал. Достал сигарету и закурил. Людмила сидела напротив и тоже молчала... Вид у нее опять был равнодушный, а за равнодушием проступала неприязнь. Стало ясно – пора уходить. Я отшлифовал в голове сценарий прихода домой, подобрал те слова, какие скажу родителям, объяснения, почему так быстро вернулся; сейчас мне не терпелось действительно начать новую жизнь: представлялось, как я соби-

раю со стеллажа книги по истории, сижу за письменным столом, готовлюсь к экзаменам, и потом, мгновенно перескочив через несколько лет, я увидел себя, едущим в глухое таежное село, чтоб учить там детишек... Может, в этом мое призвание, а я столько лет дурью маялся...

Людмила смотрела в темноту за окном, будто карауля кого-то. Да понятно, она сама сказала, кого ждет каждую минуту и, наверное, никогда не перестанет ждать. Постепенно превратится в сухую костистую тетку, то и дело будет попрекать сына, что растила его одна, любила всю жизнь только его отца... Сейчас она не хочет такой становиться, но неизбежно станет. Потому и боится... И чтобы как-то ее успокоить, поставить оптимистическую точку этого невеселого вечера, я сказал:

– Ничего, Людмила, всё наладится. Жизнь долгая, полосатая...

– Не наладится! – крикнула; в глазах – слезы, подбородок прыгает, губы загнулись книзу. Крикнула и тут же испуганно прислушалась, глядя в сторону комнаты, где спал Мишутка, а потом, убедившись, что сын не проснулся, добавила почти шепотом, но шепотом кричащим: – У меня – не наладится! Ничего не наладится!.. Кто я? Как?.. Мать-одиночка, блин! Дура тупая!..

– Ну успокойся, Люд, – попросил я и услышал в своем голосе досаду; испугался, что это же услышит и она и взбеленится еще больше. Наверное, от испуга взял и предложил:

– Слушай, а давай я с ним разберусь! Пусть поймет... Грохнуть его, гада.

Испугался уже и этих слов, успел удивиться, как же это я могу желать зла, да и готов совершить зло по отношению к своему учителю, тому, кто сделал меня одним из известнейших людей нашего городка, но тут же, после этих слов по-настоящему и возненавидел его. Даже внешность... Тонкую, гибкую фигуру, густое каре, острый, длинный, гоголевский какой-то нос; его резковатый, тонкий голос, всегда энергичную, богатую жестикуляцию... Вспомнил, передернулся, как за спасение, схватился за сигарету, судорожно закурил и стал говорить более осмысленно:

– Гад он просто. Гадёныш!.. Давай, Людмила, серьезно обсудим. Зачем он нужен, если от него только зло? Режиссер – ладно, а как человек?.. Он ведь и эту Ирку, которая после тебя, бросил, теперь новая у него опять... Настя. На Джульетту ее дрессирует... А, Люд? Подумай. Мне уже без разницы... Только не думай, что пьяный я – я не пьяный!

Она усмехнулась той своей умудренно-усталой, снисходительной усмешкой, которая меня не раз коробила за этот вечер. Усмехнулась в смысле: что ты, мол, сделаешь?

– А что! – взвился я. – Сначала сказать ему всё, а потом нож в сердце. Казнить его, Люд!.. Гений нашелся... Да говно он, понимаешь!..

– Ну ладно, – в ответ, – хватит глупости городить. Перестань.

– Да не глупости! Он – подлец, а с ними... Знаешь раньше как было? Раньше таких на дуэль вызывали. И это было правильно! А теперь?.. Почему теперь нет дуэлей?.. Вот нет их, и значит – всё можно. Нет! Нож в сердце такому, и... Быстро. Пусть знает, что нельзя так, наказание есть.

– Всё! – Людмила пристукнула кулаком по столу. – Всё, закончили! Поплакались – и закончили.

– Не закончили! Наоборот, кажется, я только сейчас что-то в жизни стал понимать. Кто есть кто, как люди поступать способны... А ведь такого духовного из себя корчит. Ур-род!

– Хватит, я сказала!.. – крикнула Людмила так, будто мои оскорбления летели в нее. – Замолчи и... и всё. – Подождала; я молчал. – Обещай, – заговорила спокойней, – что больше этого касаться не будем. Посидели, поговорили, – в ее голосе послышались слезы, – и надо... дальше надо как-нибудь. – Высморкалась, вытерла лицо платком, громко выдохнула, как бы выдыхая плохое, похлопала высыхающими глазами и наигранно бодро сказала: – А сходи, наверно, возьми бутылочку. Лёгенького вина выпить захотелось что-то. У меня креветки есть. Вот с креветками... И расскажешь, как в Москве там, как что вообще...

– Да хреново там, – я поморщился. – Ничего там не оказалось, чего ожидал...

– Ну вот и расскажешь спокойно. Да? – Людмила поднялась. – А я Мишутку гляну пока. Что-то слишком тихо спит сегодня, страшно даже... Деньги нужны?

– Да нет, спасибо. – Я тоже встал из-за стола. – Деньги есть пока что...

Почти одиннадцать, и еще не совсем стемнело, а улицы совершенно пусты. Ни людей, ни машин, даже собак не видно. Мне всегда становилось не по себе, когда видел эти мертвые улицы, мигающие желтыми огоньками светофоры, жуткой была полная тишина, что давила на уши сильнее самого громкого шума – казалось, людей разом собрали и увезли куда-то, и вот я, только что проснувшийся и вышедший из уютной квартиры, теперь семеню по тротуару, не понимая, что произошло, и даже самые легкие шаги разносятся далеко-далеко, выдают меня, и те, что собрали всех остальных, слышали и уже пустились в погоню...

На цыпочках, ссутулившись, чтоб быть незаметней, я двигался к ближайшему магазину, озираясь по сторонам, надеясь и в то же время очень боясь увидеть человека. Полудетская такая игра в страшное, но очень правдоподобная. Слишком правдоподобная.

В кармане лежали сигареты и зажигалка, на плече висела сумка – ее я прихватил по инерции, привык к ней за последние недели, она стала неотъемлемой частью моей экипировки... Я спешил к магазину, но уже знал, что не куплю вино, не вернусь на кухню к Людмиле – дальнейшая наша беседа будет настоящим мучением, скрытым за натужными вопросами и ответами, перемежаемыми зевками за стиснуты-

ми челюстями, взглядами искося на часы... Игорь когда-то объяснял, что в любой пьесе обязательно должны быть завязка, кульминация и развязка. Кульминация находится ближе к концу, почти перед развязкой... Мое предложение убить человека, который испортил жизнь Людмиле и пустил не по тому руслу мою, было, наверное, той самой кульминацией. Затем вот я пошел за вином, но не куплю его, не вернусь; Людмила подождет меня, поволнуется, постоит у окна, а потом ляжет спать – ведь завтра же новый день. Развязка. Конец. Только... а я? Куда сейчас мне? Домой? Хм, вот вваливаюсь к родителям обессиленный, с красными глазами, дышащий перегаром, желающий одного – скорее упасть на родную кровать, а родители, понятное дело, захотят узнать, почему я так быстро вернулся, каковы результаты поездки; я представил их взгляды и словно бы услышал свое малосвязное бормотание... Нет, не надо. Еще рано делать этот последний шаг возвращения. Завтра. Завтра утром. Как бы я приеду на том же поезде, но на сутки позже. И тогда, со свежими силами, окончательно собравшись с мыслями, нажать кнопку звонка... К тому же необходимо додумать, куда делись все мои деньги. Сознаться, что по-дурацки потратил, – обидятся, да и не поймут; соврать, что украли, – боюсь, не поверят, не смогу я это сыграть достоверно...

И еще, еще... Я остановился у облицованного коричневой плиткой крыльца магазина «24 часа», достал сигареты, заглянул внутрь пачки. Три штуки осталось – надо не забыть

подкупить... И главное – как все-таки быть теперь с театром, с Игорем?..

Закурил, но дым показался слишком едким, в горле после первой же затяжки сжалось, как бывает, когда тошнит. Неужели похмелье?.. Отщелкнул ногтем уголек, а сигарету сунул обратно в пачку... Конечно, если рассуждать логически, Людмила в общем-то сама виновата в случившемся – нужно голову иметь на плечах. Хотя, хотя после ее рассказа я вряд ли смогу относиться к Игорю как раньше. Если вместо режиссера, руководителя, дирижера видишь бабника, оставляющего по жизни разбитые сердца и потомство без отца, то доверять ему наверняка не сможешь. Доверять в той мере, какая нужна, чтобы создать классный спектакль... После экзамена я уже почувствовал недоверие, усомнился, то ли он делал со мной все последние годы, и появилась мысль бросить играть, уйти, заняться другим, а теперь я стал уверен – нужно рвать с Игорем, забыть о театре. Хорошо.

Представилось, увиделось, как наяву: в удобных зеленых креслах сидят зрители. Наблюдают за моей игрой, следят, как я страдаю или веселюсь на сцене, и в то же время шепчутся, не могут дотерпеть до антракта: «А он же, говорят, на учебу ездил в Москву поступать? Так?» – «Да-да, ездил, бедняга». – «И что, не поступил?» – «Естественно! Это он здесь у нас – прима, а там таких на каждом шагу...» И смешки, и перемигивание, и качание головой. И этот шумок растет, растет, и вот заглушает меня, мой монолог... И Игорь стоит

за кулисами, наблюдает и тоже качает головой, усмехается...

Вошел в магазин. Продавщица, молодая еще девушка, сонно подала заказанную мной бутылку «Сибирской короны» и пачку «Явы», насчитала сдачу.

– Откройте, будьте любезны, – сказал я, кивая на бутылку и начиная ненавидеть продавщицу за ее сонное безразличие.

Протянула железный крючок с темной, захватанной деревянной ручкой... Пришлось открывать самому...

На крыльце сделал несколько глубоких глотков, огляделся. От пива задышалось легко, будто внутри открылись какие-то клапаны. Воздух вкусный, пахнет разопревшей июльской зеленью, а легкий-легкий ветерок сдувает остатки дневной жары и приносит со степи мягкую свежесть; в такую ночь, наверное, очень приятно и полезно спать под открытым небом... В двух кварталах отсюда – Дворец культуры, там же и наш театр, закрепленные за нами гримерки. Можно вообще-то спокойно перекантоваться там на кушетке, вахтеры пускают в любое время – у нас не редкость ночные репетиции.

Я не хотел, очень не хотел застать там сейчас Игоря. Шел быстро и опасливо озирался: чувство угрозы, опасности, стерегущей в каждом дворе, за каждым тополем только усиливалось... Да, не хотелось больше ни с кем разговаривать, жаловаться и слушать жалобы, тем более выяснять отношения, хотелось просто запереться в гримерке и выспаться, может быть, рано утром посидеть в пустом зрительном зале,

пройтись по сцене. Вспомнить остающееся в прошлом, по-грустить, укрепиться в своем решении и тогда уж всерьез попрощаться... И в то же время я был уверен, что Игорь в театре, и где-то, глубоко под другими мыслями и желаниями, просил у судьбы нашей встречи, которая поставит точку... Теперь я усмехался тому, с каким жаром предлагал Людмиле разобраться с ним, аж воткнуть нож ему в сердце. Да-а, водка распалила, а пиво теперь слегка тушило, смягчало... Впрочем, нет – насчет того, как я поведу себя с Игорем, если мы сейчас встретимся, еще неизвестно. Может, и выскажу то, что думаю о его отношении к Людмиле и сыну, а если он в ответ начнет что-нибудь... Ладно, посмотрим, не надо загадывать...

Дворец культуры построен в традиционном для восьмидесятых годов стиле. Огромная коробка из бетона, крыша над центральным входом задрана, как околыш на фуражке офицера-щеголя, и на этом загибе мозаичная панорама: множество людей в шахтерских касках, женщины в косынках, античные маски, красное знамя, бегущие школьники с портфелями, ранцами и шарами... По краю крыши надпись из трубочек-ламп «Юность». Часть трубочек давно перегорела, и из этого несложного слова получилось несколько каких-то загогулинок, скобочек, черточек; узнать в них «Юность» теперь нет никакой возможности.

Несколько лет назад во Дворце культуры устроили было ночной клуб, но он быстро закрылся – ходили туда все-

го несколько человек, известные в нашем городке личности, похожие на новых русских из анекдотов, и их подруги; затраты на аренду, аппаратуру, зарплату персоналу не окупались. О гибели клуба, кажется, никто не жалел – основная часть молодежи не успела отважиться там побывать, а те, кто бывал, до того проводили свободное время в ближайшем к нам более-менее крупном городе Ачинске (до него полтора часа быстрой езды) и после закрытия снова стали летать туда на своих «жигулях» и «ауди»...

В фойе темно, еле различимы висящие в окнах-витринах афиши фильмов, спектаклей, концертов... Я обошел здание, нажал кнопку звонка возле служебной двери, через которую только и входил во Дворец все последние годы. Ожидая, когда откроют, допил остатки пива, бутылку поставил на асфальт, снова позвонил.

– Кто там? – в конце концов.

– Это я!.. – Я почему-то растерялся. – Роман, актер из театра! Можно войти?

– У-у, – то ли одобрительная, то ли недовольная реакция, и щелчки замка.

Дверь открыл пожилой сторож-вахтер. Кажется, Леонидом зовут или Георгием...

– Здравствуйте, – сказал я, входя. – Есть из наших кто-нибудь?

– Е-есть. Сидя-ат... А вы уже, что ли, прибыли?

– Прибыл. – Беседовать с вахтером никакого желания не

было, и я пошел в сторону коридора; бросил для приличия:
– Спокойной ночи!

– Угу, спокойной, – вздох-ворчание.

Наш режиссер любит сцену. Даже читки проводит в основном на ней, и актеры не сидят, разложив на коленях листы с ролью, а прохаживаются туда-сюда. Игорь следит, вслушивается, что-то записывает в блокноте – наверное, намечает мизансцены, разводы...

Я заглянул в зал. Сцена освещена желтым неярым светом. Искрится в углу черный рояль. На сцене три человека: Саня и Алексей, молодые ребята, не так давно окончившие Абаканское училище культуры, и незнакомая мне девушка. Золотистые, длинные, слегка завитые на концах волосы, тонкое лицо, глаза блестят. Стоит прямо, смотрит вдаль; в длинном светлом платье, сшитом по моде начала прошлого века, кажется очень высокой, напоминает статую. Говорит громко, с надрывной иронией, почти поет:

– Родить ребенка? Благодарю вас, Владимир. У меня уже был однажды щенок от премированного фокстерьера. Они забавны только до четырех месяцев. Но, к сожалению, гадят.

– Развратничайте, – дает нервным голосом реплику Саня, а Алексей в этот момент явно непроизвольно вздрагивает и испуганно смотрит на девушку.

– В объятиях мужчины, – усмехается она, – я получаю меньше удовольствия, чем от хорошей шоколадной конфеты.

Игорь внизу, среди зеленых сидений, напротив девушки. Руки, по обыкновению, скрестил на груди. Не вижу сейчас его глаза, но знаю, уверен: они тоже блестят, он увлечен, заворочен, он сдерживается, чтоб не вступить в диалог с актрисой вместо Сани...

Но вот она сказала последние слова эпизода, ослабила стан, и Игорь тут же очнулся, расцепил руки, привычным движением бросил пряди своего каре с висков за уши.

– Пока что отлично!.. Н-нда... Только... Понимаешь, Светлана... – И принялся объяснять, и голос с каждым словом становился жестче, критичнее: – Последнюю фразу нужно произносить уже всерьез. Тут Ольга все время жеманничает, кокетничает – она не может без этого, это стиль ее поведения. Но вот фразу «А я тщеславна» она говорит всерьез, даже с сожалением. Понимаешь? Она чувствует, что из нее ничего не выйдет: ни матери, ни актрисы, ни любовницы, никого. Ольга – это бабочка, а бабочки долго не могут порхать. И... все-таки она умная женщина, – Игорь снова отбросил волосы, пошел вдоль сидений, – поэтому она ищет смысл своего существования, видит свою никчемность...

Он повернул голову, увидел меня. На лице тут же вспыхнуло недоумение, а затем – радость.

– Оп-ля! – развел руки. – Добро пожаловать!

– Привет, – я заулыбался и пошел к нему.

– Ты откуда свалился? – Игорь обнял меня с какой-то железной тяжестью, которая всегда поражала, не вязалась с его

худощавой, почти изможденной фигурой, хлопнул по плечу, отшагнул. – А, герой-любовник?

– Вот, приехал...

– Но-овость... Так, ребята, – Игорь повернулся к стоящим на сцене, – на сегодня, видимо, закончили.

Саня и Алексей бросились ко мне, девушка, кажется, с сожалением стала листать свою роль...

Позволив парням немного порадоваться, поизумляться моему внезапному появлению, Игорь велел им отправляться домой:

– Выспаться надо. Завтра большой день у нас будет. Давайте.

С режиссером они спорить не смели – послушно собрались и ушли. Мы вдвоем уселись в кресла в первом ряду.

– Н-ну, – выдохнул Игорь и с полуулыбкой смотрел на меня, – значит, не приняли?

Несмотря на множество слов, протараторенных только что, когда здоровался, обнимался с парнями, я не успел, да и не решился твердо ответить, поступил в училище или нет. Отделался эмоциональными, но бессвязными междометиями. Теперь же наступил момент признаваться... И я почти уже начал говорить то, что заучил, обкатал, сделал вроде бы правдой – что увидел, как там всё обстоит в Москве, посмотрелся на абитуриентов, на всю эту корыстную суету и умчался обратно сюда; да, я был уверен, что сейчас скажу об этом Игорю, но наткнулся на его взгляд, на его полуулыбку и по-

нял, что он знает, с первой секунды определил, что со мной произошло. И сказал тихонько, жалобно, как получивший двойку школьник:

– Экзамен по специальности завалил. И сразу уехал. – Вдохнул, помолчал, все-таки решил слегка оправдаться: – Не понравилось мне там. Мерзко как-то...

– Ну и плюнь. На черта тебе надо это училище! Я тогда хотел отговаривать, а потом решил: нужно дать возможность попробовать. Обжечься, так сказать... Запретил бы, ты ведь потом бы всю жизнь жалел, злился на меня... Ничего, Ромка, мы тут с тобой еще такое наделаем! Честно, рад, что все так случилось. Как раз вовремя ты вернулся...

– Подожди, – перебил я, чувствуя, как опять во мне разрастается, растворяя остальные мысли, потребность начать другую, новую жизнь, жизнь без театра, без Игоря. – Подожди... Я вот поговорить хотел с тобой...

– Минуту, – он повернулся к девушке. – Свет, спускайся сюда... Познакомьтесь, – привстал, когда высокая, очень стройная в своем платье, какая-то вся светло-золотистая девушка подошла, – это Роман, мой любимец, главная жемчужина труппы. Ты уже о нем слышана, думаю?

– Да, – кивнула она, приподняла уголки губ, изображая улыбку. – Очень приятно.

– А это – Светлана Чижаева. Заканчивает училище культуры в Абакане... Ездил туда недавненько, увидел, и – вот... – Игорь с гордостью посмотрел на стоящую перед ним

девушку. – Понял, кого ищу. Божьей милостью Мариенгофская Ольга.

– Что?.. Кто божьей милостью? – не понял я.

Игорь глянул на меня с удивлением, а потом спохватился:

– А, ты ведь не знаешь! Я за «Циников» взялся! Не читал? Мариенгофа?.. Потрясная вещь, сейчас особенно – в самую точку. Параллели по всем линиям!

Я заинтересовался:

– Пьеса?

– Нет, проза. Про времена военного коммунизма и начало нэпа. Одни в нищете, другие по ресторанам. И русская интеллигенция посреди этого... За две недели инсценировку сделал, на подъеме... Давно такого вдохновения не испытывал. Светланку увидел, – Игорь снова обвел взглядом девушку, – и засел... В центре – два юных существа. Ольга и Владимир. Они любят друг друга, стараются быть в стороне от ужасов времени... Ольгу вот сразу нашел, почти насильно привез. Теперь она пленница наша! Обещает не убегать, по крайней мере, до осени. Да, Светланка?

Встретившись с ним глазами, девушка неожиданно широко улыбнулась, до розовых десен над ровным рядом белых зубов; я засмотрелся, сдерживая внезапное желание встать, и обнять ее, и погладить языком эти зубы, и зная, что это невозможно – для нее теперь есть только один, кому она позволит себя целовать... Игорь тряхнул меня за плечо, переключая внимание.

– А с Владимиром просто беда... Всех наших перепробовал. Честно сказать – валенки. Сам даже, грешным делом, подумывал взяться. Только... – Он задумался, словно бы снова взвешивая все «за» и «против». – Нет, староват я для юной души... Как говорится, каждому возрасту – свои песни... Правда, Светлана?

Они опять встретились взглядами, но теперь Светлана не озарилась. Просто смотрела на Игоря. Молча... Такое выражение лица и такое точно молчание я видел уже не один раз. Так смотрели на него чуть ли не все девушки, побывавшие в нашей труппе, – смущенно-преданно. И молчали так же, как сейчас эта золотистая: зачем слова, вы знаете, и все вокруг пусть видят, знают, что я с вами, я со всем согласна, всегда согласна. И понимаю, что сейчас вы шутите, Игорь, немножко играете – вам нельзя без этого...

Они смотрели друг на друга, а я на них... Сейчас рубану, что ухожу от него, что больше не чувствую себя актером, а его считаю подлецом, гадом. Напомню, что у него есть сын, Мишутка, что из-за него медленно гибнет женщина. И не она одна. Потащу отсюда эту новенькую, объясню, что и она станет ему не нужна – только сделает дело и попадет в число лишних...

– Свет, принеси роль, пожалуйста. Вон ту, Сашину, – услышал я сквозь свой грохочущий внутри монолог голос Игоря. – Пусть Роман знакомится.

Девушка легко взбежала по боковым ступенькам на сце-

ну. Взяла с крышки рояля стопку бумаг и быстро, красиво пошла обратно к нам. Платье шуршало.

Подала роль Игорю, а он – мне.

– Почитай.

Тонкие серые листы. Слегка уже помятые, потертые... Знакомый шрифт Игоревой пишущей машинки – он всегда сам распечатывает роли и только на пишущей машинке, у него уверенность, что компьютер убивает жизнь...

– А завтра целиком пьесу получишь. Я один экземпляр в Отдел культуры отдал – буквально позавчера сообщили, что принята, будут финансировать... У меня такие идеи по декорациям!.. Ну, ты чего скис-то? Спать хочешь, бедолага?

– Я хотел, – отложил я бумаги на соседнее сиденье, – мне поговорить с тобой надо. – Глянул на продолжающую стоять перед нами девушку. – Важное...

– Что ж, – Игорь пожал плечами, – давай. Хотя поздно уже... Ладно! Светланка, иди собирайся пока.

Она взяла свою роль и пошла... Ну вот и наступил момент... А если попросить у него денег в долг? Полторы тысячи... У него есть... Как-то слишком медленно она уходит... Сейчас я скажу, что решил расстаться с театром, а он... Он быстро убедит, что это ошибка, что я талантливый, неповторимый, что сыгранный именно мной Владимир станет событием, что мы скоро рванем на гастроли... И я сломаюсь, я положу в сумку эту стопку бумаги, он же подхватит золотистую девушку, отлично выпится с ней и через полгода от-

бракует. Найдёт другую. А я останусь...

Словно почувствовав, что может случиться что-то плохое, девушка остановилась у служебной двери возле сцены. Лишь слегка спряталась за штору...

Надо говорить... или делать... Я почувствовал, как вспотела спина, в животе напряглось, а над правым виском пульсирует, дергает кожу какая-то жилка... Игорь смотрел на меня. Обычно подвижное, нетерпеливое лицо его застыло: на нем внимание и ожидание, когда начну... Но что, как... А если... Я никогда не дрался, а сейчас почувствовал – смогу, обязан избить этого человека, как надо, как следует. Хорошо, умело, искренне. И приговаривать при этом, чтоб знал, за что...

Женские, частые шаги в фойе – дробь каблучков. Игорь нахмурился, прислушиваясь, перевел взгляд с меня на дверь... Жилка над виском перестала беситься... Шаги смолкли. Я обернулся. На том же месте, где с полчаса назад стоял я сам, следя за репетицией, теперь находилась Людмила. Распахнутый коричневато-желтый плащ, лицо перепуганное, глаза огромные. Тяжело, громко дышит.

– Что случилось? – поднялся Игорь; сказал это сиплым, каким-то из самой глубины горла голосом.

Людмила увидела меня, вышедшую из-за шторы девушку, и лицо ее стало злым.

– Ничего, – сказала резко, будто хотела стегнуть этим словом разом всех нас троих; сказала, и сделала шаг в зал, и

снова остановилась.

– Хм... Тогда... – Игорь обнаружил, что Светлана здесь, лицо его тоже перекосилось. – Прошу тогда... тогда прошу не мешать! У нас репетиция.

Людмила постояла еще немного, еще раз кольнула глазами меня, девушку, Игоря, развернулась и вышла.

2004

Ложка сахара

Без четверти одиннадцать вечера возле клуба «Пена» появился высокий молодой человек в свежем темном костюме. Приостановился у входа, распечатал пачку «Парламента», закурил. После нескольких затяжек на лице его появилось лениво-кисловатое, слегка пресыщенное выражение, и с этим выражением молодой человек толкнул тяжелую стеклянную дверь.

В вестибюле сидели двое охранников. Не спеша пили кофе из пластиковых стаканчиков, готовясь к длинной, скучной ночи дежурства. Один из них поднялся навстречу посетителю, другой инстинктивно или на всякий случай поправил кобуру с газовым пистолетом.

Молодой человек вынул из нагрудного кармана пиджака запаянную в пластик карточку «Гость клуба», небрежно показал охране. Тот, что поднялся, кивнул в ответ, быстро ощупал молодого человека металлоискателем. Затем приветливо сказал:

– Проходите, пожалуйста! – И открыл перед ним внутренние двери, деревянные и узорчатые.

– Благодарю...

Людей в этот час всегда в «Пене» немало, но клуб вместительный, находится в здании бывшего районного Дома пионеров. Места хватает всем, если, конечно, не бывает выступ-

ления какой-нибудь модной группы. Да и тогда большинство давится в том зале, где концерт, а в «Пене» залов – заблудиться можно. Два танцевальных, один – игровых автоматов, бильярдная, бар, множество закутков с мягкими диванами, для интимных бесед; как бы слегка отдельно от клуба – ресторан, достаточно дорогой и чистый.

Одиннадцать часов – самое активное время. Подтягиваются решившие провести здесь всю ночь, а тинейджеры, которых родители отпустили до закрытия метро, спешат успеть навеселиться.

Первым делом молодой человек заказал коктейль, молча выразил неудовольствие, что бармен действует не слишком расторопно. Расплатился и с длинным бокалом прошел туда, где сейчас особенно оживленно.

На подиуме танцевали клубные девушки, а внизу – посетители. Живо и раздражающе мигали разноцветные огоньки, вертелись шары под потолком, посыпая зал, как снегом, точками света. Мелодия долбилась в стены, потряхивала людей, заражая своим четким ритмом, словно бы дирижируя ими. И молодой человек тут же стал потаптывать ногой, слегка покачиваться. Желтоватая жидкость с кусочками льда забеспокоилась в его бокале.

Две из пяти девушек на подиуме ему понравились. Одна, тонкая, хорошо сложенная, миниатюрная, была в купальнике-бикини, а поверх купальника и по всему телу покрыта еле заметной тонкой сеточкой; светло-русые волосы собра-

ны в короткую французскую косичку. Танцовщица резко и возбуждающе дергала свое красивое тело, будто хотела разорвать его, и призывно смотрела на шевелящихся внизу, показывая, как надо им всем танцевать. Всё ее лицо улыбалось, улыбка ни на секунду не исчезала, как бы девушка ни извивалась, какие бы сложные движения ни делала.

«Ничего крошка», – одобрил молодой человек, разглядывая ее и посасывая через соломинку коктейль.

И еще одна ему пришлась по душе. Эта, наоборот, крупная, высокая, но танцующая легко, точно в ней не семьдесят килограммов, а тридцать пять. Лицо миловидное, красивые сочные плечи; крепкие бедра стянуты превращенными в шорты джинсами. Но особенно держит взгляд ее маечка. Легкая короткая маечка, такая, что при каждом вскидывании рук на секунду обнажаются снизу крупные шары груди. Эта девушка часто помахивала танцующей публике, чтобы та шевелилась активней.

«Да-а, – молодой человек мысленно облизнулся, – научились выбирать крошек, какие нормально раскочегарят...»

Мелодия была однообразная, но ее однообразность только ярче подчеркивала постепенную смену тональности, компьютерные попискивания и редкие англоязычные слова, произносимые нежным женским голосом.

Постепенно молодой человек заводился. Да, он совсем не прочь потанцевать... С девушек на подиуме он перевел взгляд на тех, кто танцевал рядом с ним, стал высматривать,

выбирать достойную.

Вот одна, в узком черном платье с открытыми плечами и спиной. И что она выделяет своим гибким телом! Она похожа на змею, гипнотизирующую жертву. А жертва – со смешной солидностью переступающий с ноги на ногу жирненький парень с медведеобразной мордочкой. Обычный небедный кренделек, выгуливающий подружку... Молодой человек представил себя на его месте, как бы он танцевал с этой змейкой в черном платье... Как они смотрят друг другу в глаза, касаются друг друга, касаются как бы случайно, и постепенно все приближаясь, сплетаясь, втягивая один другого, топя в закипающих волнах желания... А потом один из тех укромных закутков с мягким диваном...

Музыка стала стихать. Колышущаяся толпа медленно успокаивалась. Девушки на подиуме, продолжая танцевать, по одной скрывались за кулисами. И вот вместо них появился стройный лысоватый шоумен в белой водолазке, перед ртом – маленький радиомикрофон, внизу подбородка – модный клочок волос. Его встретили радостным свистом, хлопками.

– Н-ну, как вам наши милахи? – тоном радушного хозяина спросил шоумен.

– Кру-уть! – отозвалась толпа. – Куул!

Фонари перестали мигать, музыка умолкла окончательно.

– Очень, очень рад! Кстати, и вы тоже делаете громадные успехи, – признался юноша в водолазке. – Уверен: к утру

все мы будем танцевать просто супер! Согласны танцевать до утра?

– Да-а!

Правда, некоторых это предложение заставило с сожалением посмотреть на часы – тинейджерам скоро бежать к метро. А шоумен тем временем продолжал:

– Но отдохнуть все-таки необходимо. Хотя не для всех это будет отдых, потому что, потому что... – Он умышленно замялся и зловещим тоном предложил: – Трех самых отчаянных девушек и трех самых смелых парней я приглашаю подняться ко мне. Пришло время очередного конкурса!

Снова свист, радость, рукоплескания. Но на подиум выходить никто не торопится.

– Смелее, смелее! – позвал шоумен.

Из толпы громко спросили:

– А какой конкурс?

– О-о, меня не поймашь, – шоумен погрозил пальцем, – это ж секрет. Выходите, и тогда я все расскажу. Но одно могу сказать прямо сейчас: призы стоят испытаний!

Наконец набралось достаточное количество участников. Шоумен руководил ими:

– Так, друзья, разбиваемся на пары. Вот вы, чувствую, видите в этом юноше надежного партнера, а вы – вот в нем. Смотрите, какой он сильный, он не даст в обиду! Хорошо. – Шоумен снова поменял интонацию, она стала теперь лирической и вкрадчивой: – Итак... итак, это теперь не «Пена».

Это – нечто другое... «Титаник». Огромный, блещущий огнями океанский лайнер. Кругом на тысячи миль – простор океана. Представьте себе: ночь, тишина и вы, именно вы стоите на корме. Вы одни. Только он и она. Леонардо и Кейт.

Молчащая на протяжении всей речи толпа тут же взорвалась радостью. А участники выглядели несколько напряженными, заинтригованными: они ожидали условий конкурса.

– И вот вы стоите, а вокруг ночь, – романтически продолжал шоумен, – вы любите, безумно любите друг друга... Доносится музыка. И вы начинаете танцевать. Страсть сжигает вас, вы не в силах ее сдержать... Короче, юноша раздевает девушку, а девушка соответственно...

– У-уааа! – перебила публика, догадавшись, какое зрелище ей предстоит наблюдать.

Шоумен поднял руку, повелительно помахал толпе, та сразу успокоилась; он стал рассказывать дальше, торопливее, уже совершенно без романтики в голосе:

– Чем больше предметов туалета вы снимете, тем лучше. Предупреждаю сразу: главный приз просто фантастичен! Итак, у какой пары на полу окажется больше снятой одежды, та и победила!

Снова радость в толпе, она плотнее жметя к подиуму, чтоб все лучше увидеть; молодой человек тоже прошел ближе, выбирая ту из участниц, за которую стоит болеть.

Зазвучал ремейк известной песни из фильма «Титаник». Темп медленнее, чем у оригинала, – наверное, специально

сделали длинную версию для таких вот конкурсов...

Пары стали топтаться, сначала смущаясь, робея, потихоньку осваиваясь. Зрители поощряли их восклицаниями, аплодисментами... И вот девушки начинают расстегивать пуговицы на рубашках кавалеров, а кавалеры неуклюже пытаются освободить от одежд своих дам.

Молодой человек выбрал пару. Симпатичный, подкачанный парень, девушка же – любому на зависть. Таким не в «Пене» место, а где-нибудь действительно на «Титанике». Неужели она без дружка здесь, или этот, танцующий с ней, он и есть?.. И самое интересное: что она позволит с себя снять, кроме полусапожек? На ней лишь золотистого цвета платье, такое тонкое, что вся ее стройная юная фигурка четко обрисовывается; еще колготки или чулки и, может, легкие трусики. Вряд ли что-нибудь снимет...

– Прошу поторопиться, друзья! – говорит шоумен своим приподнятым голосом. – И будьте смелее! Проигравшие не простят себе...

Одежда постепенно падает на пол, и каждое падение встречается радостным криком, присвистом, хлопаньем в ладоши. Участницы действуют активнее своих кавалеров, и вот все парни остались одних плавках. Конечно, с раздеванием девушек сложнее: две в платьях, и они лишились лишь обуви, а третья – жалко, страшноватая – пожертвовала блузкой и осталась в лифчике и джинсах.

– Смелее, Леонарды! – подбадривал шоумен. – Ваши да-

мы, ваши обворожительные Кейт ждут вашего мужского шага!

Та парочка, за которую болел молодой человек, долго перешептывалась во время танца, партнеры явно спорили, и, когда песня уже почти закончилась, девушка разрешила снять с себя платье. У них получилось ловко и быстро: парень снизу вверх поднял узкий подол, стянул платье через голову, а девушка успела закрыть ладонями грудь. Осталась в светло-коричневых колготках, из-под которых проступали белые трусики.

– Вау! – взвизгнул шоумен, на мгновение опередив рев толпы. – Да-а, это просто супер! Суперпара! – Он шумно перевел дух. – Вот это да!

«Подставные, наверное», – пришло на ум молодому человеку, когда он увидел, как почти без стеснения стоит красивая девушка, с голым торсом, зажав в руках груди, и улыбается, глядя на шоумена. Ее парень бережно держит вывернутое наизнанку платье.

– Необходимо выразить дружный восторг смелой и сладкой парочке! Она бесспорно одержала победу в этом – ух! – непростом конкурсе. Ну-ка, – шоумен помахал публике, – все вместе!..

Под его руководством толпа в очередной раз засвистела, запрыгала, загикала.

Страшненькая, та, что была в лифчике и джинсах, стала что-то выяснять у шоумена, указывая на кучки одежды на

полу. Лицо ее выражало удивление и обиду. Шоумен, кажется, попытался ей возразить, но затем кивнул и сказал в микрофон:

– Поступило предложение произвести тщательный подсчет снятых предметов. Что ж, бесспорно, таковы правила, и несмотря ни на что мы обязаны им подчиняться.

Начали подсчеты. Перебирали рубахи, майки, носки, штаны. Наконец определилась победившая пара: эта девушка в лифчике и парень в полосатых плавках. Все решили розовые носки страшненькой.

– Итак, победители получают компакт-диски с новейшими рейв-композициями, хитами сезона! – вскричал шоумен с новым приливом радости, восторженно улыбаясь страшненькой. – А также – бесплатные билеты на посещение ослепительного стрип-шоу в клубе «Метелица»! Могу заверить, что там ни юноше, ни девушке скучать не придется!

Толпа шумела: «Кла-асс!...»

– А приз, приз за смелость я осмелюсь вручить вот этим ребятам! – Шоумен подошел к девушке с голым торсом и ее партнеру, на ходу вынимая бумажки из заднего кармана своих штанов. – Вам, друзья, бесплатный вход в «Манхэттен-экспресс», где, кстати, послезавтра будут играть «Маша и медведи». – И доверительно добавил: – Понимаю, что стрип-шоу вас не удивит. Вы, ха-ха, сами хоть кого удивите. – Он повернулся к толпе: – Так, или я ошибаюсь?

– У-а-у-у! – дружно отозвалась та.

– И, конечно, все участники могут бесплатно выпить по кружке нашего клубного пивка, чтобы погасить душевный пожар! Слегка погасить. А пока пройдите за кулисы, вернитесь в свои очаровательные одежды. – И когда полуголые участники покинули подиум, шоумен снова обратился к публике: – Через пятнадцать минут – последний на сегодня конкурс! Сейчас же, сейчас продолжаем танцевать! Не скучает никто!

Застучала мелодия, замигали разноцветные огоньки. Шоумен исчез, на подиум выбежали прежние пять девушек, уже в новых костюмах. И все стали дружно танцевать. Одни умело, приятно для глаз, другие неуклюже и смешно. Но все как будто хотели вытряхнуть из себя, изнутри что-то тяжелое, мешающее, лишнее...

Молодой человек поставил пустой бокал на столик и направился в следующий зал. А в спину ему толкались, цеплялись и тянули обратно бодрые голоса: «Герл, герл, герл, алле, алле, алле!...»

Во втором танцзале обстановка другая: свет притушен, людей немного, и музыка медленная, лиричная. Несколько обнявшихся пар плавно покачиваются на одном месте, целуя и лаская друг друга. Молодой человек издали оглядел сидевших вдоль стен редких девушек, но не выбрал подходящей – той, с кем можно потанцевать.

По соседству – зал игровых автоматов. Тяжелые двери из мутного стекла отделяют помещение от остального мира.

Музыки здесь не слышно, воздух спертый, насыщенный сигаретным дымом. Освещение слабое. Напряженные и молчаливые парни и мужчины стоят перед автоматами, кидают в щели увесистые жетоны и хлопают по клавишам, дергают рычаги. Равнодушно тренькают звоночки, крутятся барабаны с нарисованными на них сливами, грушами, семерочками, каждую секунду суля удачу, новую порцию жетонов для продолжения игры...

Молодой человек побродил, наблюдая за игроками, достал было бумажник, но тут же спрятал его, поморщился и усмехнулся, точно разгадал плохо прикрытый обман. Закурил и вышел.

Бильярдная. Вот где светло и приятно. Бодро сшибаются костяные шары, по временам раздаются восклицания, шутки, короткий смех.

Для начала молодой человек купил бутылку пива, огляделся. Затем раскованно подошел к двум довольно приятным девушкам, сидевшим в уголке; они с интересом и завистью следили за игрой на ближайшем столе.

– Добрый вечер! – сказал молодой человек. – Сыграть не желаете?

Девушки посмотрели на него подозрительно, как-то испуганно. Промолчали. Одна одета простенько, лицо слегка глуповатое, но симпатичное, а другую портила короткая прическа и излишнее внимание к сиреневому цвету: сиреневый костюм, сиреневые башмаки, сиреневая тушь вокруг глаз,

сиреневые губы, сиреневые накладные ногти...

Молодой человек сделал большой глоток пива, объяснил:

– Вот партнера нет, а сыграть хочется. Давайте. На просто так, естественно...

Та, что в сиреновом, вопросительно взглянула на подругу, потом снова повернула кругловатое лицо к молодому человеку, сказала:

– Да мы не особенно и умеем...

– И ничего, – он улыбнулся, – я тоже не профессионал. Тем лучше... В американку. Вы вдвоем, я один.

– Ну как? – спросила одетая в сиреневое. – Будем?

Вторая, симпатичная, пожала плечами. Они поднялись. Молодой человек поманил к себе парня в жилетке, обслуживающего бильярд, тот сейчас же подскочил.

– Так, нам вот этот стол, – отдавая ему сто рублей, сказал молодой человек. – И бутылку пива, третий номер, со стаканами. Сдачу оставь.

– О'кей.

Начали играть, девушки немного оживились. От пива не отказались: пока появлялась пауза между их ударами, пили его мелкими глоточками, смакуя, словно не обычную «Балтику», а по крайней мере «Баварию».

Молодой человек подолгу выбирал позиции, тщательно целился, и все же вогнать шар в лузу ему никак не удавалось.

– Давненько не играл, – полушутливо оправдывался он. – Всё дела, дела... Сегодня вот думаю: нет, надо выбраться,

развеемся слегка...

В этот момент симпатичная девушка вогнала первый шар.

– У, поздравляю, – тоном старшего похвалил молодой человек. – Вы, наверное, частенько играете. А притворялись, что и кий в руки не брали.

– Да иногда берем, – ответила сиреневая, жестом подсказывая подруге, как лучше ударить.

– Ты что, – симпатичная в напряжении сдвинула бровки, – так и черный может влететь...

– Мда-а, – вздохнул молодой человек и допил свое пиво. – Выпускаю вот молодежный журнал, а сам последнее время в молодежной жизни редко участвую. Дела, проблемы...

– А какой журнал? – чуть заинтересовалась девушка в сиреновом.

Симпатичная ударила, и неудачно. Молодой человек лег на стол, с минуту готовился, водя кием туда-сюда по ложбинке между указательным и большим пальцами. Ударил – шар исчез в лузе.

– «ОМ» называется, – спокойно ответил молодой человек и, не взглянув на девушек, не интересуясь их реакцией, стал обходить стол, изучая положение шаров.

– Правда – «ОМ»? – не поверила сиреневая. – Это же... очень модный журнал.

Молодой человек улыбнулся:

– Стараемся.

Выбрал шар, вновь долго целился, но все же промахнулся.

– Эх, на миллиметр надо было левее, – сказал расстроено, опустил кий. – Прошу, – пригласил бить девушку в си-
реновом.

– Что-то, извините, не верится, чтобы из «ОМа» в таком месте, – сказала она. – Где-нибудь в «Манхэттен-экспресс», в «Элэсденсе» такие люди... развеиваются.

– Везде нужно бывать. – Молодой человек пожал плечами. – В каждом клубе своя атмосфера, свой контингент. Плюсы и минусы. И нельзя ни в чем ограничиваться, это гибельно для журнала.

Симпатичная как-то странно посмотрела на него, сказала:

– Интересно...

– Виталий Ольшевский, – представился молодой человек, – не главный редактор, но очень ответственный.

– Не главный?

– И слава богу, слава богу! У главного вообще жизни нет. Контракты, встречи, все дела. Не-ет, – Виталий мотнул головой, – мне нравится моя ниша. Ха-ха, неплохая ниша, должен признаться!

Закатив второй шар, он совсем разговорился.

– Впрочем, девчата, это со стороны только кажется, что есть по-настоящему крутые люди. Они просто такими казаться хотят, а на самом деле... Вот у меня приятель – вице-президент «Менатепа». Банк есть такой. До августовского обвала, всех заморочек этих еще более-менее, а теперь... За полгода лет на десять постарел, весь в долгах, в пробле-

мах. С шестисотого пришлось на подержанную «вольву» пересест. Мда-а... А вроде бы на слух: вице-президент банка «Менатеп»! Звучит? Или Шурá вот... Знаете певца такого?

– Знаем, знаем, – тут же ответила та, что в сиреновом; она внимательно слушала откровения неожиданного знакомого.

– Ну так вот – Шурá. Звезда вроде, на каждом углу его песни, по телику он постоянно. А решили мы сделать о нем репортаж. Где-то около года назад, самый пик его популярности был. Оказалось, снимает однокомнатку в Капотне, спит на продавленном диване. Курит, хе-хе, «Яву» – на «Парламент» денег нет... Ладно Шурá, – молодой человек махнул кием, – он недавно начал, да и уже гаснет, а, например, Игорь Крутой. Это ж вообще ведь столп нашей эстрады, входит в двадцатку самых влиятельных людей нашего шоу-бизнеса...

– Что-то не верится, – перебила сиреневая. – Странно... – Она ударила по шару, неудачно, передала кий подруге. – А вот Лагутенко, из «Мумий Тролля». В Англии живет...

Молодой человек остановил ее полной сарказма ухмылкой.

– Тоже неправда? – испуганно спросила девушка.

– Естественно. Н-ну, живет он, правда, в Крылатском, так сказать, в респектабельном районе, но тоже квартиру снимает. В Англию, да, наезжает, там у него... извините, спонсор живет...

– В каком смысле?

Молодой человек ловко вкатил очередной шар, прицелил-

ся в следующий, заодно и ответил:

– Так сказать, его друг.

Девушки тут же зашептались. Что-то такое: «Я же тебе говорила!» – «Да ладно, потом...»

– Это обычное дело, – успокоил их Виталий. – Нынче людей такого круга, да чтоб с нормальной ориентацией – днем с огнем... Одни изначально такие, других жизнь заставила. А наркотов сколько! Кокаинщики, героинщики – это уже не люди.

Молодой человек ударил неважно, а бившая вслед за ним симпатичная и вовсе – наверное, из-за волнения – вынесла шар за бортик. Шар звонко ударился о ручку дивана, покатился по паркету.

– Аккуратнее, господа, – поднимая шар, произнес маркер.

Виталий посмотрел на парня раздраженно, но удержался, ничего не ответил.

Партия растянулась надолго. Игроки действительно были не мастера. И все же доиграли в конце концов. Молодой человек победил с преимуществом в два шара.

– Спасибо за компанию, девушки! – улыбаясь, сказал он. – Извините, я отойду, нужно сделать срочный звонок. – Он потрогал пиджак, нащупывая телефон, слегка поклонился и вышел из бильярдной.

Вместо того чтобы звонить, молодой человек направился в ресторан.

Там почти пусто. У посетителей «Пены» редко бывают

финансы, чтоб в нем посидеть, но ресторан открыт – по слухам, здесь частенько отмечают удачи бандиты из этого района города. И сейчас, видно, ожидали кого-то важного – официанты торопливо накрывали на несколько придвинутых друг к другу столов в уютном уголке.

Молодой человек потребовал меню, долго его изучал, морщился, цокал языком.

– Мда-с, – сказал наконец, – это уж слишком...

Скрывая презрение, официант учтиво ответил:

– Как вам угодно.

Уже собираясь вернуть ему красивую папочку, молодой человек заметил что-то интересное.

– Погодите, а вот это... ад... жип... сандал, что такое?

Официант объяснил мгновенно потеплевшим голосом:

– Нечто вроде овощного рагу. Грузинское блюдо.

– Да? И вкусно?

– М-м, – обидчиво покривил губы официант, – вкусно, конечно.

– А почему так дешево? Двадцать пять рублей порция...

– Гм...

– Понятно, – молодой человек снова стал изучать меню. – Хорошо-о.

Девушки были во втором танцзале. Они сидели на диванчике и смотрели, как топчутся редкие парочки. Молодой человек подошел к ним.

– Позвонил, новости неважные – завтра в Ригу лететь. Во-

от... – И предложил ненавязчиво: – Не хотите ли перекусить слегка? Чтоб, как говорится, голод не мешал отдыхать. Согласны?

Девушки не сразу, но согласились.

Усаживая их за столик, молодой человек говорил:

– Я, признаться, вегетарианец. И, извините, всем советую исключать мясо. Молоко, йогурты, сыр – это нормально. А мясо... От него грубеешь и физически, и морально.

В ответ девушки согласно, уважительно кивали. Они сидели напротив молодого человека, и он заметил, что им неловко здесь, они ерзают на стульях, нервно озираются.

– Так-с, значит, – обратился молодой человек к официанту, – нам, пожалуйста, три аджип... сандала, десяток сырных канапе, три салата-латук и... и триста граммов водки... «Смирнофф», да.

– Всё? – уточнил официант.

– Пока всё.

Когда официант удалился, молодой человек потер руки и затем быстро снял пиджак, повесил на спинку стула.

– Аджипсанда-ал, – протянул мечтательно, – замечательнейшая вещь. Не пробовали? Грузинская кухня! Эх, Сухуми, Гагры... Кстати, мы же до сих пор как следует и не познакомились! – вспомнил он. – Виталий. А вас?..

Симпатичная назвалась Леной, а та, что в сиреновом, – Анжелой.

– Отличные имена!

Официант принес салаты, канапе и запотевший графинчик.

– Аджипсанда! придется подождать. Готовим.

– Хорошо, – кивнул Виталий и жестом велел официанту наполнить рюмки; тот наполнил.

– Что ж, за знакомство!

Чокнулись, выпили. Съели по одному канапе.

– Вы здесь всю ночь проведете? – спросил Виталий.

– Нет, скоро по домам, – цепляя на вилку зеленые листья, ответила симпатичная Лена. – Завтра к десяти на работу...

– И где работаете, коль не секрет?

Девушки посмотрели друг на друга, совещаясь взглядами – сказать или нет. Потом Анжела уныло призналась:

– В парикмахерской.

– Да? Отлично!

– Чего же здесь отличного?

– Как же. – Вадим понемножку подлил в рюмки, – буду посещать ваш салон, если он, конечно, на уровне. Ха-ха! По знакомству-то слишком топорно обкорнать не должны. Так? – И, сменив шутливый тон на серьезный, он спросил: – Адресок можно ли узнать?

– У нас не салон, – по-прежнему уныло сказала Анжела, – простая парикмахерская.

– Н-ну, бывают и салоны такие, что так обкорнают – хоть налысо после них брейся. – Виталий достал маленький органайзер и ручку. – Так, записываю. Может, я стану вашим

постоянным клиентом. У, неплохо?

Девушки помялись, снова попереглядывались, и Лена сказала адрес.

Запахло ароматом специй, тушеных овощей; официант принес аджипсандал.

– У-у, – застонал Виталий, берясь за вилку, – налетай, девчата!

Посидели неплохо. Девушки были довольны. Молодой человек проверил поданный счет, расплатился. Когда вышли из ресторана, он сказал:

– Цены, конечно, неслабые. Я имею в виду, для обычных людей. Надо будет пустить в журнале матерьяльчик, ха-ха!

Девушки тоже хихикнули.

Потом танцевали. Молодому человеку приятнее было танцевать с простенькой Леной, но он не обижал и Анжелу – по песне с каждой.

Потом выпили по бутылке «Балтики», и в начале четвертого девушки засобирались домой.

– Как же вы доберетесь? – удивился Виталий. – Метро закрыто еще.

– Да нам тут рядом, полквартала...

– Что ж, понимаю, – вздохнул он, – работа есть работа. Я тоже скоро отправлюсь, надо выспаться перед самолетом. В Ригу лечу, насчет распространения журнала. Там у них какие-то препоны ставят, дескать, «ОМ» – слишком русский. Хм! Конечно, мы ориентируемся на Россию, во-первых. А

как же иначе?.. Полечу вот теперь разбираться...

Анжела и Лена смотрели на него с уважением и завистью.

– Везет, – вздохнула Лена. – Я на самолете только в детстве летала. Уже почти и не помню...

Молодой человек отмахнулся:

– Ничего хорошего. Весь полет перед глазами эти кадры про катастрофы. А если в воздушную яму попадешь или тряхнет, всё, думаешь, приплыли. Н-ну, ладно, – он взглянул на часы, – не смею задерживать. До встречи, девушки!

Они ушли. Молодой человек побродил по клубу, покури-вая «Парламент». Людей в «Пене» совсем мало, и все вялые, полусонные. Ожидают открытия метро. Подиум, где вечером устраивали конкурсы и танцевали клубные девочки, стоит пустой, темный. Музыка медленная, точно и она устала; уже никто не танцует. В укромных закутках дремлют, обнявшись, юноши и девушки.

...Кое-как дотерпел до шести утра. Теперь трясется в безлюдном вагоне. На полу, на сиденьях валяются сорванные со стен какими-то дебилами обрывки рекламных наклеек. Один обрывок прилип к подошве туфли, и он пытается другой туфлей отлепить его, раздражаясь и одновременно радуясь, что нашлось занятие.

Глаза слипаются, хочется спать, голова отяжелела от легкого, но ошутимого похмелья. Скулы ломит, раздирает зевота.

...От станции до его дома – минут десять дворами. Шагает

быстро, дрожа от холода, подняв воротник пиджака. Курит последнюю сигарету из пачки «Парламента». По временам под ногами хрустит тонкий ледок на досыхающих апрельских лужах... Когда-то в детстве он любил крошить такой ледок каблуком. Льдинки разлетались, звенели, как стеклышки, а под ними чернела полоска грязной, незамерзшей воды...

Проходя по одному из дворов, он останавливается над кучкой мусора, который поленились донести до контейнера и вывалили просто под дерево.

– У, сволочи! – прошипел он со злой обидой, пнул красочную банку из-под консервированных сосисок. – С-суки!..

Зашагал дальше.

...Обшарпанная пятиэтажка в глубине тесных дворов и кривых узких переулков. Темная холодная лестница. Подошвы добротных туфель гулко стучат по истертым ступенькам.

Достает ключ, открывает дверь на третьем этаже.

– Лёша, ты? – спрашивает с кровати мама хриплым, свистящим голосом.

– Я. Всё нормально? – Он снял туфли, прошел в комнату.

– Ничего, – отвечает мама, – немного поспала. С вечера опять приступ был...

– У-у...

– Ты поешь, сынок, там на плите в сковородке гречка и печень. С томат-пастой вкусно.

Он кивает:

– Сейчас переоденусь, поем.

Загородившись дверцей шифоньера, снимает пиджак, рубашку, брюки. Вешает их на плечики. Поверх костюма натягивает целлофановый мешок. Теперь выходная одежда ему долго не понадобится...

– Тебе вечером с работы звонили, – говорит мама. – Ругались, что плохо убрался...

– Да? – отзывается он и зло, еле слышно бурчит: – Им, гадам, всегда не нравится...

– Ты уж, сынок, постарайся как-нибудь. Уволят еще, а как жить-то будем? Моя эта пенсия, сам понимаешь... а на рынке у тебя то есть деньги, то нет...

– Мда...

– И еще, – вспоминает мама, – Виталька звонил, напоминал о карте какой-то. Чтоб ты сегодня занес.

– Понятно. Спасибо, мам.

Он шуршит целлофаном, вынимает из кармана пиджака карту гостя «Пены», затем прячет одежду в шифоньер. Надел джинсы, свитер. Посмотрел на часы. Поспать не получится – скоро уже идти подметать, потом дежурить на рынке, может, подвернется что-нибудь срочное разгрузить.

– Поешь, – снова просит мама. – Печенки немного, гречка...

– Хорошо, мам, спасибо.

Он заходит на кухню, включает плиту, ставит чайник. По-

догревает то, что в сковороде. Жует, невесело уставившись на полустершуюся, исцарапанную переводку на хлебнице: лицо миловидной девушки. Лет пятнадцать назад выменял ее у соседа Витальки на медную трубку для пугача. Виталькин брат служил в ГДР, он таких переводок в каждом письме по десятку присылал...

Чайник вскипел. Сковородка пуста. Он заваривает свежего крепкого чая, чтобы взбодриться, разогнать усталость. Берет сахарницу. В ней осталось совсем на дне, а маме надо во время приступа обязательно сладкого. Ладно, ложку положить можно, не так горько будет...

Долго помешивает ложкой в чашке, снова глядит на переводку. Одного глаза у девушки нет, на щеке – широкая царапина, на шее тоже... Совсем надо бы соскоблить, наклеить на ее место другое... Он жалеет, злится на себя, что так глупо потратил деньги, что не выспался. Анжела и Лена представляются ему теперь уродливыми и жадными проشمандовками, какие специально цепляются к парням, чтобы нескучно провести время, выпить, поесть вкусенького... Зачем он вообще поехал в эту чертову «Пену»? Чего там особенного? И был ведь уже раза четыре... Надо было просто взять хорошей водки, собраться у кого-нибудь из пацанов, выпить, поговорить нормально... Но, ругая себя, он знает, что через несколько месяцев, если накопит, сэкономит рублей четыреста, снова выпросит у соседа Витальки карту гостя клуба, оденется в выходной костюм, купит пачку дорогих сигарет

и поедет...

1999

Эфир

1

Замигал зеленый фонарь, побежала динамичная заставка в мониторах. А в студии – напряженная, сковывающая тишина, те несколько томительных, долгих секунд, которые всегда боится и в каком-то приятном оцепенении переживает Марина Стрельцова. Все замерли: операторы у камер, звукорежиссер, ассистенты, гости программы и она сама, ведущая. Она смотрит в монитор, на крутящийся голубой шарик – нашу планету; и вот шарик стал расти, расправляться, превратился в полотно, заколыхался, как флаг, состоящий из человеческих лиц. Обозначились знакомые контуры, нечто напоминающее по форме выгнувшееся горбатое животное с безвольно висящим, коротким хвостиком и тупой, почти плоской мордой, правда, глаз у него был страшно выпуклый, словно выскочивший из орбиты... Полотно перестало колыхаться, на него штампом опустились слова «Мы – Россия». И зеленый фонарь погас, в тот же момент загорелся красный.

– Добрый день, дорогие друзья! – ожила, вырвалась из оцепенения ведущая. – В прямом эфире программа «Мы – Россия» и я, Марина Стрельцова. Как всегда, у нас сегодня много гостей, тем более что тема заслуживает самого при-

стального внимания и обсуждения. И как предисловие – сюжет.

Ведущая нажала кнопку «запись». В оживших мгновенно мониторах – тесное мрачное помещение, все скамьи заполнены девушками. Они прячут лица, закрываются ладонями, сумочками, одеждой. К ним бесцеремонно суется микрофон: «За что вас задержали?» – «Не знаю. Не надо меня снимать. Уберите свою штуковину», – просят девушки... Затем – полутемная, узкая улица. Машин и прохожих мало. В основном девушки наподобие тех, какие только что прятали лица. Но теперь они улыбаются безбоязненно и открыто, стоя на краю тротуара; некоторые слегка пританцовывают. Все они смотрят на неспешно едущие мимо автомобили. Смотрят выжидающе и хищновато.

Машина с камерой останавливается, девушки тут же бросаются к ней: «Желаете весело провести время?» – «А почему ваше веселье?» – игриво, делано небрежно спрашивает мужской голос. «Полста баксов». Девушки не замечают камеры, они выжидающе уставились на парней. «Чего? Полста?! – удивился тот, что начал разговор с ними. – Вы офигели, барышни! Знаете, сколько это сейчас, полста баксов? Ха, кранты!» – «Ну возьмите одну, – уговаривают девушки. – На четверых вам как раз». – «За тридцатник возьмем. У?» – «Полста». – «Да за полста я сам любому что хошь сделаю! Тридцатник». – «Нет таких цен... Ребята, поймите, мы же не на себя работаем». – «Ну и работайте. Поехали дальше, Коль».

Машина трогается, девушки возвращаются на тротуар.

Экран монитора потемнел и погас.

– Итак, как, наверное, все вы уже догадались, – снова заговорила ведущая Марина Стрельцова, – тема нашей сегодняшней программы – проституция. Тема далеко и далеко не новая, почти привычная, не сходящая со страниц печати, экранов телевидения, кинематографических лент. И от этого она мне кажется еще более страшной – что мы к ней привыкаем. Для многих наших сограждан это уже норма жизни. Вдумайтесь, проституция – норма жизни! – Марина почувствовала, как начинает волноваться, и это плохо, нужно держать себя в руках, выглядеть нейтральной, холодной, тем более она знает, у гостей разные взгляды на эту проблему. – Сейчас на экране появятся номера телефонов прямого эфира. Прошу всех, кто равнодушен, звонить, задавать вопросы нашим гостям, высказывать свое мнение. Каждый звонок автоматически будет включен в экспресс-опрос, результаты которого мы подведем в конце программы... А теперь настало время представить гостей.

Их семь человек. Представляя, Марина искоса поглядывала на лист бумаги – запомнить имена и фамилии всех не получилось.

...Начальник отдела по борьбе с проституцией Центрального административного округа; врач-венеролог, пожилой, утомленного вида мужчина; тоненькая, ухоженная молодая женщина в громоздких очках, чем-то напоминающая мыш-

ку, – доцент Института переходного периода; учительница одной из московских школ, пожилая и грузная; двое ребят лет двадцати пяти – журналисты «Студии А», фрагменты их фильмов иллюстрировали программу; и представитель движения против абортов, бородатый, мощный человек деревенского склада...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.